

Гуманитарная парадигма

<http://humparadigma.ru>

№ 4 (19) 2021

ISSN: 2523-4218 (online)

Электронный научный журнал — сетевое издание

Гуманитарная парадигма

№ 4 (19) 2021 года

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлечёнными редакцией экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: учёных, преподавателей, специалистов-практиков, студентов, магистрантов, участников научно-исследовательской, культурной, музейной, просветительской работы.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — кандидат филологических наук
Людмила Нодариевна Икитян.

Журнал издаётся с июня 2017 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70608 от 03.08.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: Л. Н. Икитян, ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Ялта, пгт. Кореиз, Республика Крым.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://humparadigma.ru>
E-mail редакции: red@humparadigma.ru

При оформлении обложки использовано изображение
<https://pixabay.com/ru/photos/архитектуры-люстра-огни-1868000/>
по лицензии «Pixabay License».

Редакционный совет

Икитян Людмила Нодариевна — главный редактор, кандидат филологических наук, Межрегиональный институт развития территорий

Члены редакционного совета:

Боева Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

Борисова Людмила Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Ишин Андрей Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Красильников Роман Леонидович — доктор филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Вологда)

Хакимова Елена Мухамедовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

Зябрева Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Синько Галина Иосифовна — кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

Хоменко Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Шалина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Евпатория)

Содержание

Юбилей: люди, книги, даты

Зябрева Г. А., Ишин А. В. Поэма А. Блока «Двенадцать»: опыт метаисторического прочтения (к 100-летию ухода поэта)	6
Миленко В. Д. «Душа моя полна разлукою с тобой...»: неизвестные страницы истории любви Е. Ф. Петренко и А. Т. Аверченко. Статья первая	16
Аверченко А. Т. Письма А. Т. Аверченко к Е. Ф. Петренко / Публикация и примечания В. Д. Миленко	39
Икитян Л. Н. Имя собственное как репрезентант личности литературного персонажа: заглавный антропоним романа И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников»	45

Слово. Образ. Смыслы

Хакимова Е. М. Электронные PR-тексты в современном российском медиапространстве	56
Тленшиева Р. Н. О языковом взаимодействии: к латинским истокам славянских слов	68

Общество. Образование. Закон

Хоменко Е. В. Исследовательское обучение: к вопросу конститутивных признаков понятий «исследовательская деятельность», «исследовательские умения»	79
Залоило М. А. Исторический очерк развития вещного права Китая	88

Экспериментаниум

Кравченко А. О. Я – педагог. Эссе	94
---	----

Авторам

97

Content

Anniversary: people, books, dates

Zyabreva G. A., Ishin A. V.

- A. Blok's poem "Twelve": the experience of metahistorical reading (to the 100th anniversary of the poet's departure) 6

Milenko V. D.

- "My soul is full of parting with you ...": the unknown pages of love story of E. F. Petrenko and A. T. Averchenko. Article 1 16

Averchenko A. T.

- Letters of A. T. Averchenko to E. F. Petrenko / Publication and notes by V. D. Milenko 39

Ikityan L. N.

- Proper name as a representative of the personality of a literary character: the title anthroponym of I. Ehrenburg's novel "The extraordinary adventures of Julio Jurenito and his students" 45

Word. Image. Meanings

Khakimova E. M.

- Electronic PR-texts in the modern russian media 56

Tlenshieva R. N.

- About language interaction: to the latin sources of slavic words 68

Society. Education. Law

Khomenko E. V.

- Research training: on the question of constitutive features of the concepts "research activity", "research skills" 79

Zaloilo M. A.

- Historical sketch of the development of real rights in China 88

Experimentanium

Kravchenko A. O.

- I am a teacher. *Essay* 94

For Authors

97

Юбилеи: люди, книги, даты

УДК 821.161. 1 (Блок)

Зябрева Галина Александровна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь

Ишин Андрей Вячеславович

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Институт «Таврическая академия»,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
заведующий кафедрой церковной истории и практических дисциплин,
Таврическая духовная семинария;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: a.ischin@yandex.ua

ПОЭМА А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»: ОПЫТ МЕТАИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ (К 100-ЛЕТИЮ УХОДА ПОЭТА)

В работе осуществляется опыт реинтерпретации поэмы А. А. Блока «Двенадцать». В качестве инструмента исследования применяется дискурсивный анализ, позволяющий переосмыслить ключевые образы произведения: Христа, Его антипода, основных действующих лиц. Уточняется сущность авторской позиции Блока по отношению к исторической России и «новому миру», социальные и духовные ориентиры поэта. Доказывается, что посредством художественной интуиции он сумел постичь основной конфликт эпохи и выступить её объективным летописцем.

Ключевые слова: русская поэзия начала XX века, революция, красногвардейцы, враг, «старый мир», Святая Русь, Христос.

Galina A. Zyabreva

PhD in Philological sciences, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

Andrey V. Ishin

Doctor of Historical Sciences, Tauride Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of the Taurida Theological Seminary;
Russian Federation, Simferopol

A. BLOK'S POEM "TWELVE": THE EXPERIENCE OF METAHISTORICAL READING (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE POET'S DEPARTURE)

Abstract. *The work carries out the experience of reinterpretation of A. Blok's poem "Twelve". As a research tool, discursive analysis is used, which allows to rethink the key images of the work: Christ, His antipode, the main actors. The essence of the author's position of the Blok in relation to historical Russia and the "new world", the poet's social and spiritual guidelines are clarified. It is proved that through artistic intuition he was able to comprehend the main conflict of the epoch and act as its objective chronicler.*

Key words: *Russian poetry of the early twentieth century, revolution, Red Guards, enemy, "old world", Holy Russia, Christ.*

Для цитирования:

Зябрева, Г. А., Ишин, А. В. Поэма А. Блока «Двенадцать»: опыт метаисторического прочтения (к 100-летию ухода поэта) // Гуманитарная парадигма. 2021. № 4 (19). С. 6—15.

Уже с момента первой публикации (1918 г.) поэма А. Блока «Двенадцать» разделила читателей / интерпретаторов на два непримиримых лагеря. Представители одного увидели в произведении хвалу революции, а их оппоненты — хулу на неё. Примечательно при этом, что в числе первых были яростные противники большевизма (И. Бунин, Мережковские и др.), а в рядах других — не только его сторонники, но даже вдохновители и вожди (М. Горький, Л. Троцкий и др.).

С течением времени, однако, положение дел изменилось. Советское литературоведение стало в целом трактовать поэму как гимн революции; а наука зарубежная, в том числе эмигрантская, — как сатиру и даже карикатуру на неё. Причина понятна: если отечественные авторы в своих суждениях

опирались прежде всего на ключевую интенцию идеалиста Блока — «переделать всё», то их западные оппоненты учитывали в первую очередь крах его революционных иллюзий, глубокое разочарование в упованиях на преобразование действительности.

Критерием «истинности» подобных подходов служит точка зрения самого поэта, высказанная ещё в 1920 году, в ответ на идеологизированное восприятие современниками его создания: «...те, кто видят в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, — будь они враги или друзья моей поэмы» [3, Т. 3, с. 474]. В данном заявлении чрезвычайно важен акцент на том, что искусство есть один из наиболее действенных способов постижения сущего, который позволяет проникать в скрытые истоки происходящих процессов. Блок же, как известно, был в высшей мере одарён художественной интуицией, помогавшей ему ощущать первопричины тех поистине тектонических сдвигов, которые совершались в мировой истории.

Будто в понданд уmozаклучению автора к пятилетию со дня его кончины (1926 г.) была предложена деполитизированная интерпретация поэмы, учитывающая её онтологическую подоснову и получившая отражение в докладе некоего «Петроградского священника» «О Блоке». Имя этого священника до сих пор однозначно не атрибутировано. Большинство исследователей склонно думать, что им является отец Павел Флоренский, меньшинство же полагает, что автор — друг и соратник Флоренского, отец Феодор Андреев. Но кем бы ни был этот интерпретатор, он увидел в поэме «предел и завершение блоковского демонизма», факт «бесовидения», «отказ от крещальных стяжаний» и приятие «крещальных отрицаний» [6, с. 319].

Данная точка зрения оказалась востребованной в 90-е годы XX столетия, когда осуществлялся демонтаж всех ключевых концепций советского литературоведения. Выразители религиозно-философского подхода к явлениям отечественной культуры вслед за предшественником констатировали, что Блок дискредитирует заветные святыни, подвергает осмеянию основополагающие символы христианского благочестия. Тем самым на новом историческом витке получила дополнительное развитие и актуализацию идея демонической одержимости Блока, чья позиция неоправданно отождествлялась с антихристианской позицией действующих лиц поэмы.

Между тем непредвзятый анализ произведения обнаруживает в его структуре наличие трёх типов дискурса. В границах собственно авторской партии воссоздается вселенский катаклизм («Чёрный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер! <...> / На всём божьем свете!» [1, с. 168]), знаками которого

являются Русская революция и гибель «старого мира». В этом же изобразительно-повествовательном поле характеризуются нравственный облик, поведение и настроения двенадцати красногвардейцев (*«В зубах — цыгарка, примят картуз, / На спину б надо бубновый туз! / Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!»* [1, с. 170]), выступающих в качестве стражей революции (деталь исторически абсолютно достоверная, поскольку «новый порядок» в Петрограде охраняли отряды численностью до двенадцати человек).

Второй тип дискурса представлен высказываниями самих персонажей, оформленными как их прямая речь — индивидуализированная или неперсонифицированная, — обращённая друг к другу, а также к видимому и невидимому «врагу» (*«— Ох, пурга какая, Спасе! / — Петька! Эй, не завирайся! / От чего тебя упас / Золотой иконостас? <...> / — Шаг держи революционный! / Близок враг неугомный!»* [1, с. 176]).

Самым сложным на этом фоне является третий вид дискурсивных построений, интегрирующих голоса многих безымянных очевидцев, участников, свидетелей текущей реальности (*«Поздний вечер. / Пустеет улица. / Один бродяга / Сутулится, / Да свищет ветер... / Эй, бедняга! / Подходи — / Поцелуемся... / Хлеба! / Что впереди? / Проходи! / Чёрное, чёрное небо»* [1, с. 170]). В звучании непрерывного полилога улицы, сопряжённого с воссозданием атмосферы разрухи и безнадёжности, оценки автора почти неразличимы, хотя и выполняют весьма тонкую комментирующую функцию. Нельзя не согласиться с мыслью Н. Богомолова, что «Блок именно и рассчитывает на эффект независимости реплик от своего собственного сознания, делает многообразные голоса основой художественного мира поэмы» [10]. А это явно «свидетельствует о том, что все события, происходящие в поэме, принадлежат действительности, существующей вне автора» [Там же].

Позиция Блока по отношению к уходящему миру выражена достаточно чётко и в значительной мере окрашена иронией (*«Стоит буржуй, как пёс голодный, / Стоит безмолвный, как вопрос. / И старый мир, как пёс безродный, / Стоит за ним, поджавши хвост»* [1, с. 176]). Поступки и разговоры героев времени представлены посредством внешне нейтральной документализации, то есть обнаруживают свой подлинный смысл как бы без непосредственного участия автора (*«Эх, эх! / Позабавиться не грех! / Запирайте этажи, / Нынче будут грабежи! / Отмыкайте погреба — / Гуляет нынче голытьба!»* [1, с. 171]). Вследствие этого нарисованные характеры оказываются совершенно не похожими на тех идеальных

созидателей «светлого завтра», которые в представлениях Блока наделялись «ангельскими крыльями».

Однако смутные переживания, импульсы подсознания «двенадцати», нередко ввергающие их в прямой разбой, как ни удивительно, воссоздаются с привлечением лирической ноты («Ох ты, горе-горькое! / Скука, скучная, / Смертная! / Ужь я времячко / Проведу, проведу <...> / Ужь я ножичком / Полосну, полосну!.. / Ты лети, буржуй, воробышком! / Вытью кровушку / За зазнобушку, / Чернобровушку... / Упокой, Господи, душу рабы Твоея... / Скучно!» [1, с. 175]). Считаем, что цель данного приёма — отнюдь не смягчить и тем более не оправдать болезненные чувства, а преодолеть в восприятии читателя тот деструктивный пафос, которым эти чувства перенасыщены. В блоковской летописи эпохи нет места замалчиванию разрушительных эмоций, ретуши происходящего. Но хотя в лирических конструкциях трудно разграничить авторское начало и настроения персонажей, камертоном здесь выступают «окраска» образного слова, интонационное оформление конкретных эпизодов, окружающий контекст.

Фиксируя процесс агонии «старого мира», на деле знаменующий трагический распад исторической России, Блок одновременно диагностирует и бессмысленность предпринятых попыток возродить иные формы государственности («Ветер весёлый / И зол и рад <...> / Рвёт, мнёт и носит / Большой плакат: / “Вся власть Учредительному Собранию”...» [1, с. 170]). В связи с последним наблюдением весьма остроумным видится вывод И. Есаулова о том, что изображение плаката, благодаря выверенной композиционной организации текста, неслучайно «соседствует с репликами проституток, у которых тоже “было собрание”. В поэме нет, конечно, прямого публицистического определения собравшихся в “Учрединке” как политических проституток, однако текстуальное соседство разогнанного уже ко времени создания блоковской поэмы Учредительного Собрания с собранием проституток и без того весьма красноречиво» [4, с. 500].

На данном фоне становится совершенно очевидной и причина, по которой в центр поэмы выдвигается убийство несчастной Катьки. В глазах двенадцати она (как и Ванька — бывший «наш», а теперь «солдат») олицетворяет всех тех, кто, получив свободу, смеет распоряжаться ею по собственному капризу, без санкции новоявленных вершителей человеческих судеб. А между тем абсолютное своеволие допускается только для «товарищей», соратников: лишь они имеют право на будто бы независимый социальный и моральный выбор. Однако выбор этот, как показывает автор, оборачивается тотальным анархическим безудержем, пугающим духовным

нигилизмом, которым в новых реалиях может противостоять только «Святая Русь».

Сознательно или полусознанно, вольно или невольно, но Блок вынужден констатировать это обстоятельство. Подчеркнём: разглядеть в феномене «Святой Руси» единственную опору бытия страны, поставленного на кон, способен лишь подлинно национальный художник. Но именно такова природа дарования Александра Блока, что и привело его к выявлению истинного конфликта эпохи: между возжигателями «мирового пожара», носителями разбойной вольницы, и самой православной традицией. Отсюда злобная агрессия против народно-национальных устоев («*Пальнём-ка пулей в Святую Русь*», «*Эх, эх, без креста!*» [1, с. 171]). Здесь же и исток нарастающей внутренней опустошенности каждого, кто посягает на духовно-нравственные основания жизни («*И идут без имени святого / Все двенадцать — вдаль. / Ко всему готовы, / Ничего не жаль...*» [1, с. 176]).

В контексте сказанного особую остроту обретает вопрос, кто в поэме, по мысли Блока, являет собой образ врага, имя которого неоднократно упоминается на её страницах и наделяется эпитетами «неугомонный», «лютый», «незримый», то есть весьма опасный, подлежащий уничтожению. Если вести речь о «враге» вероотступников, то для них это, безусловно, Христос. А если иметь в виду врага «Святой Руси», то это, без сомнения, антихрист. В наблюдениях большинства исследователей фигурирует лишь один из них и в зависимости от трактовки авторской позиции идентифицируется либо как Сын Божий, либо как Его антипод, либо как натура амбивалентная, сочетающая в себе свойства и того, и другого. Однако, согласно нашему анализу, в поэме представлены и Лик, и личина, и Христос, и Его каверзная подмена, — причём не только представлены, но и разведены по разным ценностным и сюжетно-фабульным полюсам. Бесспорно, лишь антихрист, сжигающий души двенадцати в адском пламени («мировой пожар в крови»), может заманить их «в переулочки глухие», издевательски дразнить, играя в прятки (бегать «с красным флагом, хоронясь за все дома»), заливаясь в снегах «долгим смехом», вызывая в одержимых иррациональный страх, и тем самым утверждая свою полную власть над ними.

Как ни парадоксально, но из произведения следует, что только Спаситель в силах изменить судьбу человека, да и то лишь в случае хотя бы произвольного обращения к Нему (в этом плане несколько обнадёживает, пожалуй, будущность Петрухи, который в своих «проговорах» нередко взывает ко Христу. Позитивную перспективу, возможно, несёт и участь его безымянного товарища, готового, в отличие от других, выслушать «исповедь»

убийцы, посочувствовать обличаемому совестью). Истинную направленность поэмы тонко почувствовал В. Жирмунский, который в качестве главной выделил в её содержании сотериологическую проблему, значимую не только для действующих лиц, но также и для «многих тысяч им подобных», «для всей бунтарской России» [1, с. 604].

Без сомнения, предельная острота художнической интуиции помогла Блоку ощутить переживаемый исторический момент как время нисхождения России «во ад». Знаками этого являются образ непроницаемой тьмы, накрывшей «огни, огни, огни» начала поэмы; ослепление героев «разыгравшейся вьюгой», которая раньше сопутствовала, а теперь препятствует их движению вперёд, «пылит им в очи»; наконец, нарастающий страх перед неизвестностью и судорожные попытки подавить его. Если произведение Блока действительно есть акт «бесовидения», то, по справедливой мысли Н. Бердяева, «видение поэтом мира <...> демонического служит обнаружению света» [2].

А носителем такового и выступает в поэме лучезарная Личность Христа, представляющая собой, по точному заключению С. Лесневского, — «явление религиозной красоты», «образ не логический, а символический, музыкальный, пронизанный ярким лиризмом» [10, с. 201]. Музыкальные же созвучия, по словам уже другого исследователя, К. Мочульского, «располагаются сияющим нимбом вокруг Имени Христа» [Цит. по: 10, с. 201].

Тем не менее образ Спасителя породил множество противоположных литературно-критических трактовок. Одни интерпретаторы видели во Христе Того, Кто возглавляет революцию, ведёт красногвардейцев вперёд. Другие полагали, что в Лице Христа представлен Искупитель людских грехов, Который вновь берёт на Себя это тяжкое бремя. Третьи приходили к выводу, что впереди двенадцати идёт лжемессия, то есть Его подмена — антихрист. Знаменательно, что в оценках блоковского «Исуса» разошлись даже священнослужители. Так, отец Александр Мень, не обвиняясь, охарактеризовал героя Блока как «псевдохриста» [5]. А отец Сергей Савельев увидел в этом образе Богочеловека, чьё самозаклание ради просветления заблудших вполне соответствует духу Евангелия [Там же].

Опять-таки ключ к пониманию финального образа поэмы даёт сам Александр Блок. Обычно широко цитируют, неоправданно упрощая, его слова о том, что он недоволен фигурой Христа, возникающей в конце поэмы. Но при этом забывают, что одновременно автор отстаивал правомерность и неизбежность появления Христа на последних, по сути кульминационных, страницах произведения. «Я, — писал поэт 10 марта 1918 года, — только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на этом пути, то

увидишь “Исуса Христа”» [3, Т. 7, с. 330]. Это высказывание находит подтверждение в воспоминаниях Корнея Чуковского. «Помню, — свидетельствовал он, — как-то в июне в 1919 году Гумилёв в присутствии Блока, читал в Институте Истории Искусств лекцию о его поэзии и между прочим сказал, что конец поэмы <...> кажется ему искусственно приклеенным, что внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект.

Блок <...> по окончании лекции сказал <...>, словно к чему-то прислушиваясь:

— Мне тоже не нравится конец “Двенадцати” <...> Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: к сожалению, Христос» [12, с. 409]. Таким образом, решение автора было незыблемым, хотя и не свободным от сожаления.

Чем же вызвано это сожаление? Ответ на этот вопрос, по нашему убеждению, содержат финальные строчки поэмы, где ключевое значение приобретают, как минимум, пять деталей.

Первая. Христос «от пули невредим». Как известно, такое состояние было Ему присуще после крестной смерти (во гробе и после воскресения из мёртвых), что находит подтверждение во второй ключевой детали.

Сын Божий в «белом венчике из роз». Вполне очевидно, что венчик здесь — элемент погребального облачения, характерного для народно-религиозной традиции (подобное наблюдение высказано также исследователем В. Сузи [7, с. 483]). В данном отношении весьма значим вывод академика Д. С. Лихачёва, что «это могли быть те бумажные розы, которыми украшали чело “Христа в темнице” в народных церквах и часовнях. Ведь солдаты в “Двенадцати” — это бывшие крестьяне» [Цит. по: 10, с. 206].

Третья — важнейшая — деталь заключается в том, что Христос «за вьюгой невидим», то есть Он открывается только взору поэта, который самой миссией летописца обречён на объективное и всестороннее освещение происходящего. Следовательно, Христос, по определению, не может выступать ни вождём, ни искупителем нераскаянных убийц и погромщиков (свидетельством же нераскаянности последних является главный императив их поведения: «идут без имени святого», «эх, эх, без креста», «пальнём-ка пульей в Святую Русь», «ко всему готовы, ничего не жаль»).

Четвёртое. Христа мы видим с «кровавым», а не с красным флагом, что знаменует не романтическое упоение автора революционной стихией, а — ужас и трагедию происходящего. «Кровавый» флаг может символизировать и бессудно пролитую кровь, вопиющую к Небу «об отмщении», и

предвещать начало Гражданской войны, в которой Россия потеряет свыше тринадцати миллионов жизней (тайновидение опять не подвело Блока).

И, наконец, пятое: оним Христа содержит одну букву «и», что «Петроградским священником» трактуется как «разрушение спасительного имени», будто бы приводящее к «пародийности лика» [6, с. 320]. Однако, напомним, начертание «Исус» характерно для «дониконовской», или той самой «Святой Руси», которая ранее была воспета Блоком в цикле «На поле Куликовом», а в поэме «Двенадцать» обрела значение важнейшего смыслопорождающего архетипа. Согласно мнению видного религиозного мыслителя, протоиерея Георгия Флоровского, «главная острота Никоновской “реформы” была в резком и огульном отрицании всего старорусского чина и обряда <...> Так охуждается и осуждается русская церковная старина...» [11, с. 65–66]. «Огульное отрицание» традиции, несомненно, сближает реформаторов далёкого XVII столетия (несмотря на историческую оправданность самой идеи назревших к тому времени реформ) с поджигателями «мирового пожара» века XX-го. Ведь именно во второй половине XVII века, пожалуй, впервые в отечественной истории столь масштабно был поколеблен фундаментальный принцип церковной, государственной и общественной жизни, служивший главной «скрепой» Святорусской земли — принцип соборности. Именно вследствие этого «колебания» началось необратимое движение страны к кровавой революции 1917-го года, когда осуществилась подмена соборности «коллективизмом». Однако же он, о чём свидетельствуют взаимоотношения всех героев поэмы, не смог составить основу их подлинной солидарности, возрождения которой, по-видимому, так жаждал Александр Блок.

Таким образом, все перечисленные детали являются прямой аллюзией на пребывание Христа во аде, когда телом Он почивал во гробе, а духом спустился в бездну, чтобы вывести оттуда чаявших Его пришествия. Это канонически подтверждается словами авторитетнейшего богослова, святителя Феофана Затворника: «Господь спит во гробе телом; душой же сошёл Он в ад и находящимся там духам проповедал спасение» [9, с. 55].

Однако герои поэмы лишены возможности видеть Его, что само по себе является наказанием и явным знаком их духовной отверженности (как тут ещё раз не вспомнить блоковское — «на спину б надо бубновый туз!»). Неопределённый маршрут, по которому движутся строители «нового мира», приобретает символический характер метаисторического растворения в нескончаемой апокалиптической вьюге, сметающей и пронизывающей всех и вся. А образ последней выступает имплицитной литературной

реминисценцией, восходящей к изображению последнего круга ада в поэме Данте Алигьери «Божественная комедия».

Смысл финала «Двенадцати» видится нам в духовно-символическом интервале: «Исус Христос» как бы вновь сопогребается Святой Руси. Но совокреснет ли Русь Христу? Этот вопрос гениальный поэт оставляет без ответа...

Литература

1. Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции / Сост., вступ. ст., коммент. М. Ф. Пьяных. М. : Высшая школа, 1990. 687 с.
2. Бердяев, Н. А. В защиту А. Блока [Электронный ресурс] // Путь. № 26. Париж, 1931, Февраль. URL: <http://www.odinblago.ru/path/26/4>
3. Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова и др.; Вступ. статья, подготовка текста и примеч. В. Орлова. М. ; Л. : Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1960–1963.
4. Есаулов, И. А. Мистика позднего Блока и начало советской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Вып. IV. Петрозаводск : ПетрГУ, 2005. С. 491–512.
5. Кузнецова, С., Глушко, Т. «Двенадцать» Блока: Антихрист или Спаситель мира? [Электронный ресурс] // Преображенское братство. 2018. 3 февраля. URL: <https://psmb.ru/a/dvenadtsat-bloka-antikhris-ili-spasitel-mira.html>
6. Петроградский Священник. О Блоке // Христианство и русская литература. Сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 316–330.
7. Сузи, В. Н. «Исус» Блока в пушкинской перспективе // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Вып. IV. Петрозаводск : ПетрГУ, 2005. С. 470–490.
8. Фатеев, В. А. Флоренский или Андреев? (Ещё раз об авторстве доклада о Блоке, приписываемого о. Павлу Флоренскому) // Христианство и русская литература. Сб. 3. СПб. : Наука, 1999. С. 298–316.
9. Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день по церковному чтению из Слова Божия. М. : ОБРАЗ, 2005. 256 с.
10. Финал «Двенадцати» — взгляд из 2000 года [Электронный ресурс] // Знамя. 2000. № 11. С. 190–206. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/11/final-dvenadczati-vzglyad-iz-2000-goda.html>
11. Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Изд. 3-е, с предисловием прот. И. Мейендорфа и указателем имён. Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. 600 с.
12. Чуковский, К. Александр Блок как человек и поэт // Чуковский, К. И. Сочинения: в 2 т. Т. 2 : Критические рассказы. М. : Правда, 1990. С. 390–498.

УДК 82.09

Миленко Виктория Дмитриевна

Кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

**«ДУША МОЯ ПОЛНА РАЗЛУКОЮ С ТОБОЙ...»: НЕИЗВЕСТНЫЕ
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЛЮБВИ Е. Ф. ПЕТРЕНКО И
А. Т. АВЕРЧЕНКО.**

Статья первая

Автор статьи воссоздаёт историю любви Аркадия Аверченко и оперной певицы Елизаветы Петренко (1880—1951), опираясь на материалы бесед с их потомками, ранее неизвестные архивные источники, публикации отечественной и европейской прессы. Привлекая биографический контекст, высказывает предположения о прототипах рассказа Аверченко «Хвост женщины» (1917), о влиянии Петренко на замысел повести «Подходцев и двое других» (1916) и т. д. История отношений прослеживается до 1916 года, её окончание предполагается в следующей статье. Публикация приурочена к 70-летию со дня смерти певицы и адресована широкому кругу исследователей.

В качестве приложения к статье впервые публикуются и комментируются любовные письма Аверченко к Петренко 1915—1916 годов из фондов Российского национального музея музыки.

Ключевые слова: личный архив, семейная легенда, эпистолярный, А. Т. Аверченко, Е. Ф. Петренко, С. Р. Миротворцев, С. П. Дягилев, «Русские сезоны», Императорский Мариинский театр, «Подходцев и двое других».

Victoriya D. Milenko

PhD in Philology science, Associate Professor,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

**“MY SOUL IS FULL OF PARTING WITH YOU ...”: THE UNKNOWN PAGES OF
LOVE STORY OF E.F. PETRENKO AND A.T. AVERCHENKO.**

Article 1

Abstract. *The author of the article recreates the love story of Arkady Averchenko and the opera singer Elizabeth Petrenko (1880—1951), relying on materials from conversations with their descendants, previously unknown archival sources, publications of the domestic and European press. Drawing on a biographical context, makes assumptions about the prototypes of Averchenko's short story “The Tail of a Woman” (1917), about Petrenko's influence on the idea of his story “Podkhodtsev and Two Others”*

(1916), etc. The history of the relationship is traced till 1916; its end is expected in the next article. The publication is dedicated to the 70th anniversary of the singer's death and addressed to a wide range of researchers.

After the article, for the first time, Averchenko's love letters to Petrenko of 1915—1916 from the funds of the Russian National Museum of Music are published and commented on.

Key words: personal archive, family legend, epistolary, A. T. Averchenko, E. F. Petrenko, S. R. Mirotvortsev, S. P. Diaghilev, "Russian Seasons", Imperial Mariinsky Theater, "Podkhodtsev and Two Others".

Для цитирования:

Миленко, В. Д. «Душа моя полна разлукою с тобой...» : неизвестные страницы истории любви Е. Ф. Петренко и А. Т. Аверченко. Статья первая // Гуманитарная парадигма. 2021. № 3 (18). С. 16—38.

*Если бы на поверхности земного шара оставались
следы ото всех бродящих по земле человеков — какой
бы гигантский запутанный клубок получился! Сколько
миллиардов линий скрестились бы, и сколько разгадок
разных историй нашёл бы опытный следопыт в
скрещении одного пути с другим и в отклонении одного
пути от другого...*

Арк. Аверченко «Подходцев и двое других»

В заглавие статьи мы вынесли строчку из одноимённого романа П. И. Чайковского на слова А. К. Толстого. Романс неизменно включала в свой репертуар известная оперная и камерная певица Серебряного века Елизавета Фёдоровна Петренко. Она хорошо знала цену разлуке. С любимым человеком — Аркадием Аверченко — их развели по разные стороны его эмиграция, а затем и его ранняя смерть на чужбине.

О том, что в жизни писателя была такая женщина, стало известно лишь в 2016 году, когда её дальний родственник Олег Павлович Вареник опубликовал совместное фото Аверченко и Петренко из семейного архива и рассказал семейную же легенду об их невенчанном браке [17]. Публикация О. П. Вареника в то время нас озадачила. Фамилию Петренко мы встречали лишь единожды: в «дон-жуанском списке», составленном Аверченко около 1920 года, где она стояла второй после актрисы Александры Яковлевны Садовской [28, с. 30]. В остальном же Елизавета Фёдоровна никогда не фигурировала в известных источниках о писателе. Памяти о ней не сохранилось у его родных, эту тему обходили и его друзья, коллеги. Например, художник Ре-Ми рассказывал, что у Аверченко случались увлечения оперой, но не называл причин [25, с. 53]. Сатириконец Е. Д. Зозуля, оставивший подробнейшие воспоминания о жизни своего шефа в годы Первой мировой войны (а роман с Петренко протекал именно тогда), часто

бывавший у него дома, тоже не называл Елизавету Фёдоровну [22; 23]. Все хранили молчание.

Разумеется, мы познакомились с О. П. Вареником, много беседовали и результаты этих бесед опубликовали в 2018 году [28]. Однако сомнения в истинном характере отношений Аверченко и Петренко всё же оставались. Сохранившиеся у потомков певицы его письма к ней говорили скорее о дружбе, сотрудничестве.

Тайна начала приоткрываться весной 2021 года. Сначала нами были обнаружены вещи из петербургской квартиры писателя, позволяющие предполагать присутствие в ней женщины [29]. Затем удалось разыскать личный фонд Петренко в Российском национальном музее музыки (далее — РНММ), а в нём три письма Аверченко к ней, подтверждающие и любовный характер их связи, и совместное проживание. Это сенсационная находка — потомки певицы полагали, что она уничтожила подобные опасные документы [28, с. 40]. К тому же любовных писем Аверченко до сих пор не было известно. Они впервые публикуются нами после данной статьи.

Итак, невенчаный брак писателя подтвердился, однако причины таинственности остались неясны. Пытаясь их установить, мы предпринимаем попытку воссоздать биографию Елизаветы Фёдоровны, в частности, детали её личной жизни. Кроме свидетельств О. П. Вареника, в этом поможет отечественная (дореволюционная, советская) и европейская пресса. Серьёзным подспорьем послужит и монография М. Л. Переверзевой «Творческая и педагогическая деятельность Е. Ф. Петренко» (М., 1970), выпущенная к 90-летию со дня рождения певицы. Автор — её бывшая ученица, доцент Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных — опиралась на разнообразные источники, в том числе рассказы самой Елизаветы Фёдоровны, которые хорошо помнила, и воспоминания её загадочной компаньонки Веры Николаевны Петренко (о ней речь впереди).

Именно Переверзева, как нам кажется, пока была жива следила за тем, чтобы память о Петренко сохранялась. Так, на 100-летие певицы отозвался журнал «Советская музыка» [27], а фирма звукозаписи «Мелодия» к юбилею выпустила пластинки «Сцены и арии из опер, романсы. Е. Ф. Петренко, Т. Павлова» и «Елизавета Петренко. Контральто. Сцены и арии из опер, романсы» (обе в 1986 году). На обложке последней в развёрнутой аннотации отмечалось, что вокальное искусство певицы, рано оставившей сцену, незаслуженно забыто, поэтому пластинка призвана помочь «оценить ее безусловно значительное дарование» [38, с. 2]. Благодаря «Мелодии» мы и сегодня можем слышать голос возлюбленной Аркадия Аверченко. И — увы — отсчитывать от времени выхода пластинок 30-летнее забвение её имени, которое нарушил О. П. Вареник. Он же оказал неоценимую помощь в подготовке настоящей статьи, предоставив семейные реликвии и результаты собственных разысканий в различных хранилищах. А именно: в фондах Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального

искусства, Российского государственного исторического архива (далее РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), рукописного отдела Российской Национальной библиотеки, Государственного архива Саратовской области и др. Нами также привлекались материалы архива Петренко в РНММ и личного фонда Аверченко в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Таким образом, в данной статье мы преследуем две цели:

- опубликовать и проанализировать новые данные об отношениях Е. Ф. Петренко и А. Т. Аверченко;
- воссоздать наиболее значительные эпизоды биографии и творческого пути певицы.

Да, имя Елизаветы Фёдоровны возвращается *через* Аверченко — тем самым история расставила свои окончательные акценты. Однако её личность настолько масштабна, ярка, обаятельна, настолько вписана в контекст своей эпохи — и Серебряного века, и советских 1920-х–1940-х годов — что просто необходимо вернуть его не только в биографию писателя, но и в историю как минимум Мариинского театра, Санкт-Петербургской и Московской консерваторий. А информационным поводом может послужить 70-летие со дня смерти Елизаветы Фёдоровны, которое наступит 26 октября 2021 года.

Аркадий Аверченко и Елизавета Петренко родились в 1880 году, оба — в купеческих семьях, оба на юге Российской империи: он в Севастополе, она — в Ахтырке Харьковской губернии¹. Семью Петренко хорошо знали и уважали в городе: отец будущей певицы, Фёдор Авраамович, был удостоен звания личного почётного гражданина, неоднократно избирался в члены Ахтырской уездной управы. Мама, София Ефимовна, в девичестве Язева, вела хозяйство. У Петренко был большой дом с садом, прудом, конюшней на улице Харьковской². Елизавета Фёдоровна воспитывалась вместе со старшими сестрой Лидией и

*Е. Ф. Петренко — студентка Санкт-Петербургской консерватории.
1900–1905 годы.*

*Из личного архива О. П. Вареника.
Публикуется впервые.*

¹ Ныне Сумской области Украины.

² Ныне улица Победы.

братом Евгением, младшими братьями Николаем и Константином³. О малой родине она повторяла: «Лучшей страны, чем Ахтырка, на свете нет» [37, с. 51]. Здесь проводила отпуск, даже став столичной и европейской знаменитостью. Сюда же со временем привезла Аркадия Аверченко, который однажды пошутил, что Ахтырка «...славится пылью, что привлекает массу любопытных туристов. Климат черноземный, почва умеренная» [2, с. 14–15]

В 1900 году, окончив в Харькове Мариинскую женскую гимназию со званием домашней учительницы, Елизавета Фёдоровна поступила в Санкт-Петербургскую консерваторию, в класс профессора Н. А. Ирецкой (у которой брала уроки вокала императрица). Это подтверждают разысканные О. П. Вареником документы: рекомендательное письмо на бланке Дирекции Императорских театров, адресованное директору консерватории А. Р. Бернгарду, в котором некто, чью подпись не удалось разобрать, покорнейше просил за Елизавету Фёдоровну [36, л. 11], и письмо из канцелярии Его Императорского Величества о всемилостивейшем пожертвовании 100 рублей на обучение Петренко в консерватории [39, л. 8]. Конечно, материальную помощь талантливая девушка могла получить и как дочь личного почётного гражданина, но это обстоятельство вряд ли привело бы её в труппу Императорского Мариинского театра и антрепризу С. П. Дягилева, о чём ниже.

Кто-то покровительствовал Елизавете Фёдоровне. Хотя, похоже, здесь был тот случай, когда протее в протекции не нуждалась. У Петренко были выдающиеся способности. Очень скоро ей начали поручать учеников, затем дали стипендию за отличную успеваемость. В 1904 году о ней уже писала столичная пресса как об одной из лучших в консерватории: «Молодая певица обладает прекрасным, низким mezzo-soprano... Поет г-жа Петренко музыкально, с темпераментом, а также умно и свободно держится на сцене» [32, с. 825]. А 25 апреля⁴ 1905 года Елизавете Фёдоровне, студентке выпускного курса, предоставили возможность дебютировать в Мариинском театре. И она дерзнула попробовать свои силы в сложной и яркой партии Далилы («Самсон и Далила» К. Сен-Санса). Характер!

Дебют оказался настолько удачным, что одна из зрительниц вспоминала его даже в 1940 году [44]. Дирекция Императорских театров также оценила его высоко. С ещё не доучившейся Петренко был подписан контракт на два сезона службы в Мариинском театре. О. П. Вареник разыскал его текст в личном деле певицы и установил, что ей положили годовой оклад жалования 3 000 рублей в 1905–1906 годах, 3 300 рублей — в 1906–1907-ом [36, л. 10]. Это большие деньги и большой успех, за которыми вновь угадывается чьё-то содействие.

Позволим себе одно предположение.

³ Предположительно умер в младенчестве.

⁴ Даты до февраля 1918 года приводятся по старому стилю.

В последние годы учёбы в консерватории Елизавета Фёдоровна стала невестой потомственного дворянина Сергея Романовича Миротворцева, молодого хирурга столичной Обуховской больницы. Вполне вероятно, что они были знакомы с детства — родители Сергея Романовича жили в Ахтырке; его отец был директором мужской гимназии. Однако семейная легенда Миротворцевых (до сих пор!) повествует о том, что Сергей-де был внебрачным сыном Александра III Миротворца. Если эта легенда ходила и тогда, то стремление чиновников способствовать карьере невесты такого человека, объяснимо. Впрочем, Сергею Романовичу могли покровительствовать и без легенды. Он оказался настоящим героем: в первые же дни Русско-японской войны добровольно уехал на Дальний Восток, лечил раненых во время обороны Порт-Артура, а после сдачи крепости остался со своими пациентами, ожидая решения общей с ними участи.

Тем временем его невеста 1 сентября 1905 года блестяще окончила консерваторию — с малой золотой медалью. В тот же день началась её служба в Мариинском театре. Пресса, с одной стороны, предсказывала Петренко прекрасную будущность, с другой — жалела: вряд ли в переполненной труппе ей удастся петь чаще, чем раз в год. Едва ли получится выделиться, «пропадет всякая охота работать» [33, с. 7]. Однако скептики ошиблись: в первом своём сезоне Елизавета Фёдоровна выступала 26 раз, была занята в 7 операх, в том числе вместе с Ф. И. Шаляпиным в «Демоне» — пела партию Геня добра.

В конце 1905 года она дождалась жениха. Миротворцев сразу по возвращении с Дальнего Востока отправился к родителям в Ахтырку. Судя по всему, туда он вызвал Елизавету Фёдоровну, потому что в театре она взяла внеплановый отпуск [36, л. 3]. Подобные отлучки Дирекцией не приветствовались, дисциплина была строжайшая, однако Петренко не только отпустили, но и сохранили за ней содержание на время отпуска. Этим вопросом занимался лично Министр Императорского Двора барон В. Б. Фредерикс [36, л. 3]. 8 января 1906 года, сразу после Рождества, Сергей Романович и Елизавета Фёдоровна обвенчались в Успенской церкви Ахтырки.

Уделяя внимание первому избраннику Петренко, мы не отклоняемся от темы. Дело в том, что в «донжуанском списке» Аркадия Аверченко, о котором шла речь выше, есть Александра Романовна Миротворцева, сестра Сергея Романовича. В таком случае писатель был знаком с Миротворцевым, а, вполне вероятно, и с Петренко ещё с поры своей харьковской молодости. Все трое жили там в одно и то же время, были одного возраста (Миротворцев старше на 2 года). Сергея Романовича нельзя обойти вниманием и потому, что он, как и Аверченко, фигура легендарная. Правда, в своей, медицинской, области. Он станет выдающимся врачом, гением военно-полевой хирургии, его именем назовут улицу и клиническую больницу в Саратове, там же установят ему памятник.

Итак, в начале 1906 года Елизавета Фёдоровна стала Миротворцевой, однако девичью фамилию оставила в качестве сценического псевдонима. Это была блестящая молодая пара: красавица-артистка Мариинского театра и

врач-фронтовик, герой Русско-японской кампании. По возвращению в Петербург Сергей Романович приступил к службе в Императорской военно-медицинской академии, где скоро получил высокий оклад и начал работать над диссертацией.

*Сергей Романович и Елизавета Фёдоровна Миротворцевы.
Фото из мемуаров С. Р. Миротворцева «Страницы жизни» (1956) и с почтовой
открытки 1913 года.*

В истории этого брака много загадок. Миротворцев, который в 1916 году женился повторно, не упоминал Петренко ни в мемуарах «Страницы жизни» (1956), ни в анкетах и автобиографиях советского периода. А его правнук сегодня знает лишь то, что у прадеда была какая-то большая любовь к балерине, но они расстались, потому что она не хотела детей [31]. Схожая версия сохранилась в семейной легенде Петренко: общих интересов у супругов не было, детей тоже [56].

В этих напластованиях легенд ключевым остаётся «детей не было». В связи с этим нельзя не коснуться одной тайны. У потомков Елизаветы Фёдоровны хранится портрет младенца работы К. Е. Маковского с дарственной надписью: «Многоуважаемой Елизавете / Федоровне Петренко на добрую / память от благодарного / К. Маковского» [26]. Мы с О. П. Вареником допускаем несколько вариантов интерпретации сюжета: либо изображён абстрактный младенец в качестве пожелания, чтобы его подарило Небо, либо — ребёнок Петренко, который 1) не выжил; 2) был окружён тайной. В последнем случае приходится признать, что он был внебрачным, и судьба его неизвестна. Такая драма могла стать решающей в расставании четы Миротворцевых.

Теперь вернёмся в Мариинский театр, второй сезон службы в котором принёс Петренко поездку в Париж в составе «Исторических русских концертов» — антрепризы С. П. Дягилева. В качестве анонса будущих гастролей тогда показывались фрагменты опер «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Хованщина». Елизавета Фёдоровна, вчерашняя провинциалка, прибыла за границу вместе с Римским-Корсаковым, Рахманиновым, Шаляпиным и др. В Grand Opéra ей рукоплескала Франция, и она, по воспоминаниям, «увлеклась Парижем. Говорила о необычайной его красоте и нарядности, о многогранной кипучести театральной жизни в нем, об элегантности публики», гордилась заметками из парижской прессы об их „русских концертах“» [15 с. 246].

Это был очередной успех. А ещё — испытание на прочность. Вокруг антрепризы Дягилева плелись серьёзные интриги, туда стремились попасть любой ценой. Во-первых, это был шанс прозвучать в Европе, во-вторых, гонорары в валюте. Так, в «Русском сезоне» 1909 года Дягилев платил Елизавете Фёдоровне 2 000 франков за выход, коих было пять [43, с. 377]. А она ездила с ним каждый год до 1914 года (выпал только 1910-й, когда повезли один балет).

Чем объяснить такой стремительный взлёт молодой певицы? Не одними же вокальными данными — были они и у других солисток. Современники считали, что исключительной красотой Елизаветы Фёдоровны: она была очень высокого роста, статная и в то же время живая, смуглая, южная, пластичная, необыкновенно светлая и обаятельная. Рядом с Шаляпиным, к примеру, она смотрелась выгоднее своей коллеги и «сменщицы» Е. И. Збруевой, едва достававшей певцу до груди. Одним словом, как написал в дневнике о Петренко композитор С. С. Прокофьев: «Шикарная женщина и отличная певица» [42].

Всё удавалось Елизавете Фёдоровне: Мариинский театр продлил с ней контракт, а Дягилёв и в следующем 1908 году повёз её во Францию. На этот раз она пела с Шаляпиным в «Борисе Годунове» партию няньки, для которой наложила возрастной грим. Парижские корреспонденты восхищались самоотверженностью Петренко — так себя изуродовать! Её портреты и похвалы её таланту украшали полосы газет «Le Figaro», «Gil Blaze», журнала «Comedia» и др. А затем произошла кульминация: 11 июня 1908 года Елизавета Фёдоровна пела вместе с Энрико Карузо в «Риголетто» для президента Французской Республики Фалльера, других крупных чиновников. И 22 июня Министерство народного просвещения и изящных искусств Французской Республики наградило её орденом Академических пальм за заслуги в области искусства⁵. Так пришло европейское признание.

Что и говорить, для артистки, служащей третий год, — высочайший показатель. Полагаем, именно завистью следует объяснить то, что на родине

⁵ Эта реликвия представлена в личном фонде певицы в РНММ.

Елизавета Фёдоровна не получила никаких наград и званий (их дадут ей только в советские годы). Была и трагическая обратная сторона успеха: в том же 1908 году Петренко потеряла отца. Материальная ответственность за семью во многом легла на её плечи.

Тем временем в Петербурге появился Аркадий Аверченко. Пока ещё он делал первые шаги, создавал с коллегами «Сатирикон» и увлекался другой актрисой — А. Я. Садовской из Нового драматического театра. В Мариинском театре Аверченко, разумеется, бывал, позже не раз вспоминал, какие там были сиденья голубого бархата: «Сядешь — будто мать посадила тебя, любимого, в уютную колыбельку. Надо опустить бинокль на колени, откинуть голову на спинку кресла и, полузакрыв глаза, погрузиться в звуки увертюры „Пиковой дамы“ в благоговейной тишине храма, в благоговейной полумгле» [4, с. 3]. Печатал он в «Сатириконе» и юмористические рецензии на спектакли Мариинского театра⁶, но Петренко в них пока не упоминалась. Она же в «Русском сезоне» нового 1909 года произвела очередной фурор в партии Кончаковны в «Князе Игоре» (Кончака пел Шаляпин). Французский художник Жак Бланш писал: «Г-жа Петренко на ложе, покрытом кавказскими коврами, в кругу половецких жен, представляла группу красных и черных тонов, проникнутых поразительным благородством и поэзией» [35, с. 363]. В тот год Дягилев впервые привёз балет, и Петренко появилась в «Юдифи» в костюме одалиски по эскизам Л. С. Бакста, да ещё и на фоне сказочных декораций его же работы, вызвав всеобщий восторг.

Они с Бакстом подружились. В архиве певицы сохранились три его письма, отправленных из Европы в Ахтырку, где она отдыхала после парижского триумфа 1909 года. Тон писем самый доверительный, с изрядной долей хорошего юмора [1].

Задержимся здесь. Если не принимать во внимание версию о том, что Петренко и Аверченко знали друг друга ещё по Харькову, то они могли познакомиться посредством того же Бакста. Он был сотрудником «Сатирикона», выполнил, например, эскиз обложки первого номера журнала. А мог наших героев познакомить И. Я. Билибин, приятель Аверченко, которого Дягилев также привлекал к оформлению «Русских сезонов». В конце 1909 года сатириконец вообще часто бывали в Мариинском театре: по их приглашению М. М. Фокин ставил балет «Карнавал» для сатириконского бала-маскарада. На его премьере 20 февраля 1910 года присутствовал Дягилев; летом он повёз этот балет в Париж.

Были между Аверченко и Петренко и другие связующие нити. Например, сатириконец С. М. Городецкий, на слова стихотворений которого И. Ф. Стравинский написал романсы «Росзянка» и «Весна (монастырская)»⁷ — Петренко исполняла их на камерных вечерах. Общим знакомым был и

⁶ Например, в № 24 за 1908 год он напечатал критическую рецензию на дебют Е. Н. Николаевой в «Пиковой даме»; в № 1 за 1909 год — на балет «Баядерка» и т. д.

⁷ Оба романса автор посвятил Е. Ф. Петренко.

редактор «Аполлона» С. К. Маковский, который в 1909 году предоставил помещение редакции под выставку карикатур «Сатирикона», а весной 1910-го там же с романсами Стравинского и под его аккомпанемент выступала Петренко [16, с. 55].

Одним словом, возможностей познакомиться у Аверченко и Петренко было много. Что же касается времени, то мы пока располагаем единственной «привязкой» — дарственной надписью Аверченко на его сборнике «8 одноактных пьес и инсценированных рассказов» (1911): «<Рисунок спасательного круга>. Добрые люди! / Бросайте этот / круг утопающим / в море деликатности. / Аркадий Аверченко — / Елизавете Федоровне / Петренко» [55]. Конечно, писатель мог оставить автограф позже даты издания книги. Однако в сентябре 1911 года выходящий при «Сатириконе» «Синий журнал» (№ 38), в котором воля Аверченко решала всё, поместил прекрасный портрет Елизаветы Фёдоровны. Она идёт по дорожке парка, лицо задумчивое, одета в простое белое платье, в руках — гвоздика. (Петренко любила красные детали в костюме: шаль, пояс, повязка на голову, бусы). Заметим, в этом же номере «Синего журнала» помещалось фото возлюбленной Аверченко — актрисы Садовской, запечатлённой на нём с дочерью. Вывод о том, что сердце писателя уже тогда разрывалось между этими женщинами, напрашивается невольно.

*Оригинал фото, воспроизведённого в
«Синем журнале» № 38 за 1911 год.
Из личного архива О. П. Вареника.
Публикуется впервые.*

Внешне Садовская и Петренко были абсолютно разными. Первая — невысокая, с пышными формами, лицо смешливое и озорное, очень яркая и почему-то кажется — шумная. У Петренко на всех фото — умиротворённое, меланхолическое, спокойное выражение лица. Глаза — грустные, жесты плавные. Однако, по воспоминаниям, в жизни этой царственности не было — шума Елизавета Фёдоровна производила достаточно. У неё был «шампанский язык» (Л. С. Бакст), она была «живая, веселая хохотушка» и хохотала всегда до слёз (А. Д. Александрович). Было у них с Садовской ещё одно явное сходство: обе очень властные, сильные. Петренко особенно удавались роли

соблазнительниц (Амнерис в «Аиде», Марины в «Борисе Годунове», Кармен) и ведьм (Солоха в «Черевичках»). Это характеризует Аверченко недвусмысленно: тем женщинам, с которыми состоял в длительных отношениях, он подчинялся. А значит в жизни мало походил на своих — якобы автобиографических — циничных литературных героев-любовников.

*Е. Ф. Петренко в роли Амнерис («Аида» Дж. Верди).
Из личного архива О. П. Вареника. Публикуется впервые.*

Что же касается 1911 года, в котором, предположим, писатель впервые обратил внимание на Петренко, то для них обоих он начался знаменательно. Аверченко 4 января впервые решился выйти на сцену в рамках «Вечера юмористов» в Петербурге. Этот шаг со временем и приблизит его к Елизавете Фёдоровне: в годы Первой мировой войны они будут выступать в общих концертах. Петренко же 6 января года пела с Шаляпиным в той самой мейерхольдовской постановке «Бориса Годунова», во время которой случился скандал. На спектакле присутствовал император. Хор, исполняя «Боже, царя храни», вдруг опустился перед ним на колени. Это была спланированная акция; Шаляпин, не посвящённый (как он утверждал) в детали, но бывший в это время на сцене, растерялся и тоже преклонил колени. Вряд ли артисты представляли, какую сенсацию раздует из этого эпизода либеральная общественность, однако некоторое смятение было. Возможно, именно им объясняются недовольные рецензии на игру Елизаветы Фёдоровны: «Красива, хотя и недостаточно кокетлива и лукава, была г-жа Петренко в роли Марины, которая к тому же немного высока для ее голоса. Оставляла желать лучшего и ее дикция» [20, с. 3].

Шаляпина за это «коленипреклонение», как известно, затравили так, что едва не довели до самоубийства. «Сатирикон» (т. е. Аверченко), к слову, промолчал. А Елизавета Фёдоровна наверняка поддерживала коллегу, потому что 2 декабря 1911 года он подарил ей свой портрет с надписью: «Милой Петренушке на добрую память и в знак симпатии от Ф. Шаляпина» [40]. В тот день в Мариинском театре последний раз в уходящем году давали «Бориса Годунова».

Дуэт Шаляпина и Петренко продолжал радовать зрителей и впредь. Особено шумный успех выпал на их долю в «Русских сезонах» 1913 года. Пресса твердила, что они резко выделяются на общем фоне, что это подлинные звёзды труппы.

А вот в личной жизни Елизаветы Фёдоровны происходило что-то непонятное. С 1913 года в справочнике «Весь Петербург» они с мужем С. Р. Миротворцевым значатся по разным адресам. Она — на улице Офицерской⁸, 54 — рядом с Мариинским театром [19, с. 417]. Он — на Нижегородской⁹, 10 — при академии, в которой служил [19, с. 417]. В мемуарах Сергей Романович, правда, рассказывал, что ему дали служебную квартиру на Выборгской стороне, он иногда там ночевал, когда задерживался допоздна, но жил тем не менее в центре, возле Мариинского театра [30, с. 55]. Значит, о том, что супруги разъехались, говорить преждевременно. Однако до разрыва было недалеко.

К 1914 году Сергей Романович защитил докторскую диссертацию, получил чин надворного советника / подполковника, сделал блестящие успехи в академии и как преподаватель и как практикующий врач в клинике. И вдруг... покинул Петербург, перечеркнув свою столичную карьеру. В мемуарах он откровенно рассказал о неприятностях на службе. Скончался пациент, о чём военный министр доложил царю. Без последствий не обошлось, поэтому Сергей Романович был рад известию о том, что его избрали по конкурсу профессором по кафедре хирургической патологии в Саратовском университете [30, с. 60–61].

В начале мая 1914 года Миротворцев прибыл к новому месту службы, мучительно сомневаясь в правильности своего решения. Жены рядом с ним быть не могло: именно в это время она выступала в Париже и Лондоне. Дягилев привёз тогда первую оперу Стравинского «Соловей». Петренко пела партию Смерти; на голове носила страшный колпак с черепом — мрачное предзнаменование событий, уже стоявших на самом пороге Европы¹⁰. А летом она, как обычно, отдыхала в Ахтырке, где и встретила известие о начале Первой мировой войны.

⁸ Ныне улица Декабристов.

⁹ Ныне улица Академика Лебедева.

¹⁰ Костюм создавался по эскизам А. Н. Бенуа.

Невольно приходится сделать вывод о том, что Елизавета Фёдоровна не смогла променять карьеру артистки столичной императорской сцены на провинциальные будни профессорской жены. Она не поехала за мужем (через шесть лет она поступит так и с Аркадием Аверченко). Сергей Романович же с началом войны получил высокий пост главного хирурга Западного фронта и выехал на театр военных действий. Это была его вторая война; впереди ещё будут гражданская, советско-финская и Великая Отечественная.

Так мы подошли к 1915 году, в котором в жизни Елизаветы Фёдоровны появился Аркадий Аверченко. В публикуемом нами ниже его письме № 2 есть указание на время начала их романа: «Я о тебе всегда много думал, а после этого польского вечера, этой польской ночи, этого польского утра — ты впятеро больше овладела мной» [10, л. 1]. Театральная пресса сохранила дату польского вечера: 26 января

1915 года, на Масленичной неделе, Дирекция Императорских театров устроила в Михайловском театре благотворительный концерт «На пристанище для жертв разоренной Польши» [24, с. 10]. Аверченко и Петренко среди выступавших не значатся, видимо, были зрителями.

Вряд ли вечер состоялся позже — 12 февраля 1915 года писатель уже выдал свою влюблённость на страницах «Нового Сатирикона», в фельетоне «Окружающие». Рассказчик хочет жениться, делится этим с матерью, другом, горничной, прохожим... Те задают любые вопросы, кроме одного: а любит ли тебя будущая жена? [5, с. 7]. А 2 апреля 1915 года в пронзительном очерке Аверченко об одиночестве «Семь часов вечера» проскользнуло: «... а любимая женщина, наверное, забыла и думать о вас» [12, с. 7]. Вряд ли он писал о Садовской. К этому времени в их истории случился какой-то перелом. Осенью 1915 года актриса родит сына, который получит отчество и фамилию её мужа, да и, судя по фотографиям, несколько не будет походить на Аверченко¹¹.

Однако утверждать, что писатель был свободен, мы не можем. Вполне возможно, что с Садовской он продолжал поддерживать отношения (помимо

*Е. Ф. Петренко в роли Смерти
(«Соловей» И. Ф. Стравинского). 1914 г.
Из личного архива О. П. Вареника.
Публикуется впервые.*

¹¹ Сын Садовской Яков Анатольевич Левант (1915–1981) станет писателем.

личных, их связывали и финансовые дела), поэтому увлечение другой женщиной скрывал. Петренко — фактически, видимо, была свободна, однако развод с Миротворцевым вряд ли был оформлен. Дирекции Императорских театров это не понравилось бы, поэтому и она скрывала свой роман. Изображать, что они с Аверченко просто коллеги, было нетрудно — они порой выступали вместе. Например, 11 апреля 1915 года участвовали в литературно-музыкальном вечере во дворце Великого князя Андрея Владимировича на Английской набережной [50, с. 7]. Писатель же, видимо, понимал, что отношения с Елизаветой Фёдоровной — это серьёзно, придётся жениться. И в принципе был не против (или — допустим — хотел отомстить Садовской, вернувшейся к мужу). 4 июня 1915 года в «Новом Сатириконе», в рассказе «Советы и советчики», он вновь коснулся темы женитьбы и своих сомнений [13].

Рассказ увидел свет в то время, когда его автор уже гостил в Ахтырке в родительском доме Петренко. Вряд ли Аверченко приехал знакомиться с матерью возлюбленной — Софией Ефимовной (напомним: отца не было в живых), так как с 1910 года она жила вместе с Елизаветой Фёдоровной в Петербурге и не могла оставаться в неведении относительно нового поклонника дочери. Скорее, писателя пригласили погостить, чтобы узнать его получше, рассматривая в качестве хорошей партии для Елизаветы Фёдоровны. Конечно, он не мог сравниться с Миротворцевым происхождением и чинами, однако по степени известности и финансового благополучия был вне конкуренции. Заметим и то, что внешне Аверченко и Сергей Романович были похожи: оба очень высокие, могучего телосложения. А на внутреннюю их общность указывали мемуаристы, вспоминая, что Миротворцев тоже был «весельчак и общий любимец» [30, с. 48].

Писатель заехал в Ахтырку перед началом своего турне по курортам Кавказа и пробыл в гостях несколько дней. Ранее нами был опубликован текст открытки, отправленной им вскоре после своего отъезда — 13 июня 1915 года, из Минеральных Вод [28, с. 36]. Содержание открытки сугубо формальное: Аверченко обращался к Елизавете Фёдоровне «на вы», выражал надежду на скорую встречу в Петербурге. Неформальная, то есть истинная сторона их отношений стала известна лишь недавно из публикуемого нами письма № 1. Оно было отправлено приблизительно одновременно с открыткой, но разительно от неё отличается. Аверченко обращается к Елизавете Фёдоровне «на ты», признаётся в своих сильных чувствах и достаточно робко предполагает взаимность [9, л. 1–2].

Теперь, когда стал известен «любовный» пласт эпистолярия Аркадия Аверченко, можно утверждать, что и в этом жанре он оставался верен себе: лирически-нежные, подчёркнуто чувственные фразы его посланий густо окрашены иронией, на которую Петренко, как видно, не обижалась. Да и трудно себе представить, чтобы 35-летние люди всерьёз оценивали свои чувства категориями «вздохов при луне». Берёмся объяснить и ласковое прозвище Бипочка, которым Аверченко называл Елизавету Фёдоровну (если оно не было семейным). Вероятнее всего, оно происходит от названия кукол-

«беер», то есть плачущих или говорящих. Ему же в семье Петренко дали прозвище Ямбо — в честь известного в то время слона.

Как следует из письма № 2, по возвращению Петренко из Ахтырки в Петроград они с Аверченко стали жить вместе, т. е. в его квартире на улице Троицкой¹², 15–17. Именно в эти дни в «Новом Сатириконе» писатель напечатал свой рассказ «Падение Подходцева» о том, как Подходцев — а это во многом автобиографический герой — сдался и женился, смирившись с неизбежными приметами супружеского быта: вышитыми салфеточками, тигровой шкурой и семейным альбомом в плюшевом переплёте [7, с. 5]. Это также автобиографическая деталь: некоторые из недавно обнаруженных вещей из квартиры писателя явно куплены Елизаветой Фёдоровной, несут на себе отпечаток её личности и вкуса [29, с. 157].

Задержимся на этом моменте. Потомки певицы утверждают, что Аверченко и Петренко жили как муж и жена, но не венчались; потомки же Аверченко не имеют никаких сведений об этом «браке». Единственным документом этого времени является Послужной лист, оформленный писателю в конце 1916 — начале 1917 года, в котором в графе о семейном положении указано, что он холост, правда, как отмечено на бланке, данные записаны с его слов [41, л. 1]. В документах эмигрантского периода, в частности, заграничном паспорте писателя 1922–1923 годов данных о жене также нет [49, с. 376]. После смерти писателя в 1925 году в Праге на его наследство претендовали лишь мать и сёстры [49, с. 475]. Елизавета Фёдоровна себя никак не обнаружила. То ли у неё действительно не было подтверждающих документов, то ли карьера в советской Москве ей была дороже. И в то же время в трудовой книжке Петренко 1928 года указано, что она вдова [48, л. 1].

Установить причины этой неразберихи мы пока не смогли. Факты говорят о том, что развод с Миротворцевым был получен. Сергей Романович 26 октября 1916 года обвенчался повторно — с сестрой милосердия; в январе 1917-го у них родилась дочь. Аверченко и Петренко могли более не скрывать своих отношений, однако продолжали их скрывать. Писатель не посвятил Елизавете Фёдоровне ни одного рассказа, ни одной книги, а той же Садовской посвящал. Если упоминал Петренко в «Новом Сатириконе», то всегда в ряду других, не выпячивая.

Вряд ли это была безоблачная история. Своё дело, работу оба ставили на первое место. Причём в письме № 2 прочитывается, что Аверченко был занят даже меньше, чем Петренко: «Ты не бойся — мешать тебе не буду — отдавай мне только немногие свои свободные часы» [10, л. 2]. Оба были знамениты и богаты, поэтому о материальной зависимости друг от друга говорить не приходится. Скорее об удачном слиянии капиталов. О финансовом благополучии Елизаветы Фёдоровны мы уже говорили; к 1915 году её оклад в театре дошёл до 8 000 рублей в год. Аверченко же зарабатывал очень много,

¹² Ныне улица Рубинштейна. Писатель занимал квартиру № 203.

это отмечают все мемуаристы. Зависимости творческой, в какой актриса зависит от писателя или драматурга, тоже не было: Петренко работала в жанре, к которому Аверченко отношения не имел. Тем не менее это был непростой союз двух очень непростых людей, которым довелось вместе пережить тяжелейшие военные и послереволюционные годы. Те годы, что рушили семьи, разлучат и их.

Переехав к Аверченко на Троицкую, Елизавета Фёдоровна сохраняла за собой квартиру на улице Офицерской, 54, где жили мама и брат Николай. Однако, судя по открыткам Аверченко, опубликованным нами ранее, эти границы быстро стерлись и тот же Николай, да ещё старшая сестра Петренко Лида также обосновались на Троицкой [28, с. 38]. Вряд ли и София Ефимовна, фактически тёща Аверченко, не последовала за ними. К слову, ей Аверченко уделял много внимания — писал письма, называл мамой, мамочкой [28, с. 38–39]. С появлением Елизаветы Фёдоровны в жизни писателя в его творчестве наметилась новая сатирическая тема: родственников, являющихся в гости только «потому, что вас обвели со знакомой девушкой вокруг наложницы» [3, с. 136]. Полагаем, что и сюжет известного рассказа «Хвост женщины» (1917) был навеян именно жизнью с Петренко. И напомним из него цитату, ставшую крылатой: «Страшная штука — женщина, и обращаться с ней нужно, как с ручной гранатой» [14, с. 93].

Они сошлись в непростой для Елизаветы Фёдоровны период: окончив сезон в Мариинском театре, она решила не продлевать контракт. Детали конфликта удалось выяснить из прессы. Так, 6 мая 1915 года сообщалось, что певица покидает театр, так как ей предложили подписать контракт с урезанным окладом [51, с. 9]. 27 июня уточнялось, что уход артисткой решён окончательно [52, с. 7], 30 июня — что с ней ведёт переговоры Театр музыкальной драмы [53, с. 7]. А 12 июля Петренко подписала контракт на два года службы в оперном театре Народного дома императора Николая II: «...первым спектаклем, в котором появится артистка, будет „Кармен“» [54, с. 8].

Совершенно очевидно, что решение об уходе принималось не без участия Аверченко. Во-первых, в то время он уже был рядом. Во-вторых, оперный театр Народного дома, уговоривший Петренко, в то время перешёл к новой дирекции А. Р. Аксарина и И. П. Артемьева. Первого Аверченко давно знал и, по-видимому, с хорошей стороны¹³, поэтому горячо поддерживал уход Елизаветы Фёдоровны: «Хочется мне, — писал ей, — чтобы ты, пожив со мной немного, вздохнула однажды сладко и глубоко, открыла глаза широко и сказала сама себе: „Кажется, что я только начинаю жить. И, Боже ты мой, какая нелепая, ненастоящая жизнь осталась там, позади“. Все кипит и бурлит в душе моей одним желанием: Дать ей счастье! Дать ей счастье!

¹³ В марте 1912 года А. Р. Аксарин организовывал «Вечера юмористов» на юге страны (Одесса, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону) при участии А. Т. Аверченко и А. Я. Садовской. В описываемое время писатель имел контракт с Аксариным на выступления в московском саду «Эрмитаж».

Сумею ли? Попробую. Все сделаю, что мне доступно.

Только люби меня. Ладно?» [10, л. 2].

Называя прежнюю жизнь Петренко нелепой и ненастоящей, писатель, вероятно, имел в виду кабальные условия её контракта с Мариинским театром: Петренко не имела права без разрешения Дирекции отлучаться из города, предусматривались штрафы за любую оплошность, болезнь, выступления где-либо помимо Мариинского театра и т. д. Особо обращает на себя внимание фраза «Дирекция имеет право заставить» [36, л. 10–11]. Елизавете Фёдоровне пришлось покинуть театр, в котором она сыграла в 621 спектакле, исполнила более 40 партий. Уход в оперу Народного дома — пусть даже на прекрасных материальных условиях — вряд ли дался ей легко. Это был ощутимый удар по самолюбию. Безусловно, урезанный оклад стал формальным предлогом (или последней каплей), на самом деле её выживали. Не дали петь в новом сезоне Кармен, а она мечтала об этой роли. Есть данные о том, что против неё был настроен А. Я. Головин, главный художник столичных Императорских театров [47]. Какие-то отзвуки конфликта видны и в том, что в 1916 году артисты Мариинского театра образовали фонд для награждения памятными значками тех, кто прослужил десять лет. Одной из первых, словно извиняясь, они наградили Петренко [21, с. 16].

Итак, 1 сентября 1915 года у Елизаветы Фёдоровны начался первый сезон в опере Народного дома. Здесь, как и следовало ожидать, ею очень дорожили. Уже 2 сентября она пела Амнерис в «Аиде», одну из лучших своих партий, и пресса радовалась тому, что на сцену Народного дома пришли «прекрасные традиции Мариинской оперы»: «Талантливая артистка вчера буквально царила на сцене, не смотря на удивительную и едва ли не преднамеренную скромность своей игры и полное отсутствие какого-либо подчеркивания своей артистической личности. Эта чисто художественная скромность и простота всего лучше подчеркивают у истинного художника его дарование» [34, с. 6].

Карикатура на Е. Ф. Петренко
в роли Кармен работы

А. А. Радакова.

«Новый Сатирикон». 1915. № 43.

Републикуется впервые.

Аверченко же отныне глубоко соперничал в подготовке к премьере «Кармен» — антрепренёры сдержали обещание, и мечта Елизаветы Фёдоровны сбылась. Впервые фрагменты оперы (2-й акт) показывались 20 октября 1915 года во время благотворительного концерта в честь прибывших в Петроград бельгийских воинов. Зал блистал именитыми гостями, и в их числе были Аверченко и Алексей Радаков, ведущий художник «Нового Сатирикона». Через два дня в своём журнале они рассказали о триумфе Петренко всей России. Радаков нарисовал на неё забавный шарж;

Аверченко же в рецензии похвалил общую постановку дела у Аксарина и Артемьева, хотя и не преминул разоблачить сквозняки, клубы пыли, забивающие горло певцам, и рассказать местную байку о том, как недавно на «Борисе Годунове» по сцене прогуливалась крыса. Однако, по его словам, все эти недочёты меркнут рядом с приглашёнными в труппу новыми именами: Е. Ф. Петренко, А. И. Мозжухиным, Н. Н. Рождественским и т. д. Подчеркнул, что «Кармен» поставлена специально для Петренко, выступившей в этой опере впервые за десять лет своей работы: «Сидишь, смотришь Петренко в „Кармен“ и недоумеваешь, почему ей не давали петь эту партию на Императорской сцене? Почему ее вообще выжили с Императорской сцены — этот чудесный, красивый талант, так засверкавший на сцене пыльного, наполненного крысами Народного дома?

Было такое впечатление, что певица жадно, как изголодавшаяся, дорвалась до желанной роли и заблестала в ней, заискрилась, дав совершенно новые краски и тона, купаясь в своей роли привольно, как рыба в воде. Не было ни одного затасканного оперного жеста, ни одного ходульного шага — слова оперы, музыка, пение и игра — все плотно, компактно слилось в одно логическое целое. Все это — при редкой по экспрессии дикции певицы, красивой внешности и строго обдуманых оригинальных костюмах.

Петренко — первый плюс новой дирекции» [18, с. 9].

Так «король смеха» поздравил любимую женщину с долгожданной ролью и впервые публично обнаружил свою новую привязанность. Хотя и не совсем публично: он спрятался под псевдонимом Марка Васильева, которым, впрочем, вряд ли можно было кого-то ввести в заблуждение.

Итак, новый 1916 год Аверченко и Петренко встречали вместе и не могли не подводить итоги года ушедшего. Для Елизаветы Фёдоровны он ознаменовался печальным уходом из Мариинского театра, но и радостной работой в «Кармен». Аверченко же новая любовь вдохновила на создание первой большой вещи — повести о приключениях Подходцева, Громова и Клинкова. Он работал над ней весь 1916 год и наверняка читал новые главы Елизавете Фёдоровне. Что же касается их совместных планов, то Аверченко рассказал о них в письме № 2: «...зиму поработаем на славу, я заработаю много денег, за это время, конечно, кончится война, а весной — май, июнь,

Петренко-Кармен.

Фото из монографии М. Л. Переверзевой «Творческая и педагогическая деятельность Е. Ф. Петренко» (1970).

июль — мы расправим крылья, вспорхнем и полетим куда нам хочется. Все дороги открыты нам и ни один путь не заказан» [10, л. 1–2]. Вероятно, он имел в виду «медовый месяц» в Европе — эти планы не сбудутся. Петренко более никогда не поедет за границу, Аверченко же поедет, но это будет вынужденная эмиграция. Отдыхать вдвоём придётся всё в той же Ахтырке.

Некоторые эпизоды их жизни в 1916 году позволяет воссоздать «Новый Сатирикон», где Аверченко порой «проговаривался». Например, в марте он заступился за Елизавету Фёдоровну в своей авторской рубрике «Перья из хвоста»:

«„Колокол“ определенно духовная газета... Ее дело звонить, а не браться, например, за написание рецензий.

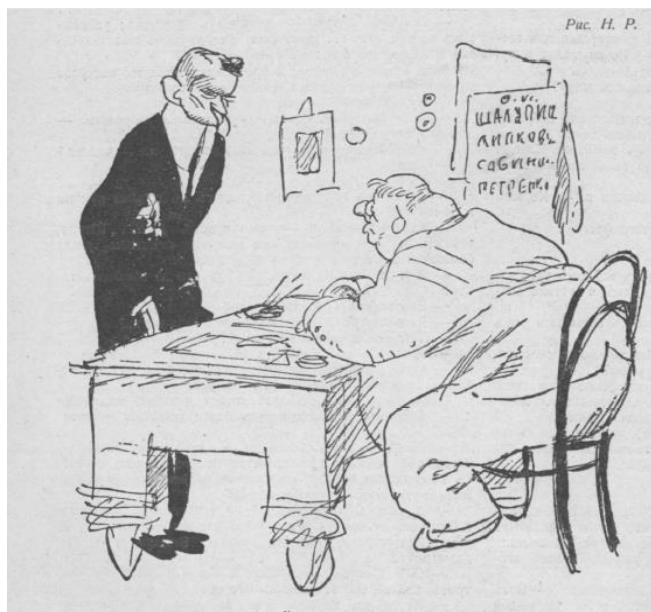
А то получается вот что (рецензия о „Самсоне и Далиле“ в Народном доме):

Г-жа Петренко в своем передавании обаяния на Самсона проявила действительное обаяние голоса, но — просвечивавший ее малороссийский юмор не создавал требуемой серьезности момента.

Что это за „малороссийский юмор“ в библейской трагедии?

Гопака танцевала Далила, обольщая Самсона, или вместо „Открылася душа“ по ошибке спела:

Солнце нызенько,
Вечер близенько...

Карикатура Н. Э. Радлова «Теляковский в Народном доме»:

«— Господин Аксарин, так как все мои лучшие певцы бегут к вам, то уж, знаете, и я пришел по инерции... Не возьмете ли меня в управляющие?»

— Гм!.. Но ведь тогда не сюда, а отсюда побегут! Что же изменится?»

(«Новый Сатирикон». 1916. № 19.

Републикуется впервые).

А впрочем, что до этого „колокольному“ рецензенту!» (курсив А. Т. Аверченко. — В. М.) [8, с. 8].

Писатель не упустил случая отомстить за любимую женщину и руководству Мариинского театра. 26 апреля 1916 года там давали «Кармен» с некоей Тобун-Черкасс в главной роли. Аверченко добросовестно рассказал о том, что её встретили гробовым молчанием, потом шикали «дружно от партера до галерки»: «Обычаи нашей казенной сцены теперь таковы: чтобы попасть в зрительный зал Мариинского театра, надо иметь билет; чтобы попасть на сцену и запеть — не нужно даже входного билета. Любой при желании может» [46, с. 9].

А 5 мая 1916 года Аверченко ударил по главе Дирекции Императорских театров В. А. Теляковскому.

«Новый Сатирикон» напечатал на него карикатуру: могущественный чиновник, полусогнувшись над столом толстого Аксарина, предлагает и его взять на службу, раз уж все артисты Императорских театров сбежали в оперу Народного дома. На стене рядом с Аксариным висит афиша с именами Шаляпина, Липковской, Собинова и Петренко [45, с. 8].

На этой победной ноте Елизавета Фёдоровна закончила свой первый сезон на новом месте и традиционно уехала отдыхать в Ахтырку. Судя по открыткам Аверченко, опубликованным нами ранее, он долго не мог выехать из Петрограда, тосковал, писал ей: «В Ахтырку лечу и стремлюсь всеми мыслями» [28, с. 38]. А к 14 июня 1916 года, согласно штампам на тех же открытках, уже вернулся в Петроград [28, с. 39].

Примерно через месяц Аверченко отправил Петренко публикуемое нами письмо № 3, в котором выражал опасения, что его мобилизуют, шутя: «Думаю, что в бою я буду страшен» [11, л. 2]. И, полагаем, не без умысла упоминал офтальмолога профессора Л. Г. Беллярминова, который мог бы дать ему справку о состоянии зрения, освобождающую от мобилизации. Елизавета Фёдоровна могла лично знать Беллярминова: он был коллегой Миротворцева по Императорской военно-медицинской академии.

Может быть, связи и помогли. В декабре 1916 года Аверченко по итогам медицинского освидетельствования в Николаевском военном госпитале был признан «к военной службе вовсе негодным» [41, л. 2].

Е. Ф. Петренко в роли чародейки Марины
(«Добрыня Никитич» А. Т. Гречанинова).
«Искусство». 1916. № 2.
Републикуется впервые.

Петренко же в начале своего второго сезона в опере Народного дома вновь привлекла всеобщее внимание. Ей исключительно удалась роль соблазнительницы-чародейки Марины в опере А. Т. Гречанинова «Добрыня Никитич»; премьера прошла 17 сентября 1916 года. Многие издания поместили фото Елизаветы Фёдоровны в красивом «колдовском» костюме, с косами по плечам. Очарованный ею Аверченко снова не промолчал в «Новом Сатириконе»: «Очень живописной, красивой, музыкальной Мариной была г-жа Петренко. Петъ ей пришлось мало» [6, с. 6]. Последняя фраза — явный упрёк, как и финальная шпилька в адрес Гречанинова: «Автора вызывали так часто, будто хотели отвлечь его от работы над другой оперой» [6, с. 7].

Аркадий Аверченко и Елизавета Петренко, удовлетворяя свои творческие амбиции и строя планы на будущее, не

представляли, что жить этому миру оставалось считанные месяцы.

Наступил 1917 год.

Литература

1. Абрамова, Марина. Выставка одного экспоната «Леон Бакст. Письма Е. Ф. Петренко» [Электронный ресурс]. URL: <http://glinka.museum/visitors/exhibitions/vystavka-odnogo-eksponata-leon-bakst-pisma-e-f-petrenko/>
2. Аверченко, Арк., Азов, Вл., Бухов, Арк., Гуревич, Ис., Д'Ор, О. Л. Вестник знания «Нового Сатирикона». Оккультные науки. Энциклопедический словарь. Хрестоматия для очень маленьких деточек. Птг. : Новый Сатирикон, 1916. 87 с.
3. Аверченко, Аркадий. «Краснолапые» / Аркадий Аверченко. Синее с золотом. Птг. : Издание журнала «Новый Сатирикон», 1917. С. 133–140.
4. Аверченко, Аркадий. «Натюр морт». Рисунки Аркадия Аверченко // Юг России. 1920. 22 сентября (5 октября).
5. Аверченко, Аркадий. Окружающие // Новый Сатирикон. 1915. № 14. С. 7.
6. Аверченко, Аркадий [Ave]. Опера А. Р. Аксарина. «Добрыня Никитич» // Новый Сатирикон. 1916. № 41. С. 6 – 7.
7. Аверченко, А. Падение Подходцева // Новый Сатирикон. 1915. № 26. С. 5–6.
8. Аверченко, А. Перья из хвоста // Новый Сатирикон. 1916. № 11. С. 8.
9. Аверченко, А. Т. Письмо к Е. Ф. Петренко // РНММ. Ф. 343. Ед.хр. 52. Л. 1-2 об.
10. Аверченко, А. Т. Письмо к Е. Ф. Петренко // РНММ. Ф. 343. Ед. хр. 53. Л. 1-2 об.
11. Аверченко, А. Т. Письмо к Е. Ф. Петренко // РНММ. Ф.343. Ед.хр. 54. Л. 1-2 об.
12. Аверченко, А. Семь часов вечера // Новый Сатирикон. 1915. № 14. С. 7–8.
13. Аверченко, А. Советы и советчики // Новый Сатирикон. 1915. № 23. С. 6–7.
14. Аверченко, А. Хвост женщины / Аркадий Аверченко. Синее с золотом. Птг. : Издание журнала «Новый Сатирикон», 1917. С. 97–103.
15. Александрович, А. Д. Записки певца. М.; Берлин : Директ-Медия, 2019. 323 с.
16. А. Н. Музыкальный вечер в «Аполлоне» // Аполлон. 1910. № 7. С. 54–55.
17. Вареник, О. Последняя любовь Короля смеха [Электр. ресурс]. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/poslednyaya_lyubov_korolya_nbsp_smekha

-
18. Васильев, Марк [Аверченко, А. Т.]. Оперный театр при Народном доме императора Николая II // Новый Сатирикон. 1915. № 43. С. 9.
19. Весь Петербург на 1913 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1913. 850 с.
20. В. Л. «Борис Годунов» с Шаляпиным // Петербургский листок. 1911. 7 января.
21. Значок артистов Императорских театров // Искусство. 1916. № 2. С. 16.
22. Зозуля, Е. Д. Сатириконцы / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Д. В. Неустроева // Русская литература. 2005. № 2. С. 170–203.
23. Зозуля, Е. Д. Сатириконцы / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Д. В. Неустроева // Русская литература. 2005. № 3. С. 185–209.
24. К. Михайловский театр // Обозрение театров. 1915. 28 января.
25. Левицкий, Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М. : Русский путь, 1999. 550 с.
26. Личный архив О. П. Вареника.
27. Локощенко, Г. Елизавета Фёдоровна Петренко. (К 100-летию со дня рождения выдающейся певицы) // Советская музыка. 1981. № 7. С. 142.
28. Миленко, В. Д. Письма А. Т. Аверченко к Е. Ф. Петренко : неизвестные факты личной жизни писателя // XII Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. науч. работ. Севастополь : «Шико» Севастополь, 2018. С. 29–45.
29. Миленко, В. Д. Судьба петербургской квартиры А. Т. Аверченко в Толстовском доме : новые факты // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2. С. 143–160.
30. Миротворцев, С. Р. Страницы жизни. Л. : МЕДГИЗ, 1956. 199 с.
31. «Миротворцев Сергей Романович: остаться в Саратове»: лекция Романа Миротворцева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2SWkho5VxOU> (дата обращения: 3.06.2021).
32. Нестеров, М. Вечер учащихся в консерватории в память А. Г. Рубинштейна // Театр и искусство. 1904. № 47. С. 825.
33. Нестеров, М. Мариинский театр. Дебюты // Театр и искусство. 1905. № 18. С. 7.
34. Никонов, В. Опера Народного Дома. «Аида» // Обозрение театров. 1915. 3 сентября.
35. Ор. Русские спектакли в Париже. (От нашего парижского корреспондента) // Рампа и актёр. 1909. № 22(9). С. 361–364.
36. О службе артистки Елизаветы Петренко // РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 2423.

37. Переверзева, М. Л. Творческая и педагогическая деятельность Е. Ф. Петренко. М. : Музыка, 1970. 136 с.
38. Перепёлкин, Ю. Елизавета Петренко, контральто // Елизавета Петренко. Мелодия. Ленинградский завод грампластинок, 1986. С. 2.
39. Письмо канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений в Санкт-Петербургскую консерваторию о Всемилошвейшем пожаловании 100 рублей на уплату обучения Елизаветы Петренко // ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. Д. 5220. Л. 8.
40. Портрет Ф. И. Шаляпина с дарственной надписью Е. Ф. Петренко // РНММ. Ф. 343. Ед. хр. 470. Л. 1.
41. Послужной лист А. Т. Аверченко // РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 1-1 об.
42. Прокофьев, С. С. Дневник [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/dnevnik-chast-1-1907-1918-read-593230-195.html>
43. Русские спектакли в Париже // Рампа и жизнь. 1909. № 10. С. 376–377.
44. Старая бестужевка. Первые годы на сцене // Советский музыкант. 1940. 10 декабря.
45. Теляковский в Народном доме // Новый Сатирикон. 1916. № 19. С. 8.
46. Т.<еатральная> К.<рыса> [Аверченко, А. Т.]. Записки театральной крысы // Новый Сатирикон. 1916. № 21. С. 8–9.
47. Теркель, Е. «Ваши картины какие-то настоящие...». Александр Головин и Елена Поленова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tg-m.ru/articles/3-2014-44/aleksandr-golovin-elena-polenova> (дата обращения: 02.06.2021).
48. Трудовой список Е. Ф. Петренко 1928 года// РНММ. Ф. 343. Ед.хр. 319. Л. 1.
49. Хлебина, А. Е., Миленко, В.Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1981–1925). М. : Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. 542 с.
50. Хроника // Обзорение театров. 1915. 9 апреля.
51. Хроника // Обзорение театров. 1915. 6 мая.
52. Хроника // Обзорение театров. 1915. 27 июня.
53. Хроника // Обзорение театров. 1915. 30 июня.
54. Хроника // Обзорение театров. 1915. 12 июля.
55. Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей» [Электронный ресурс]. URL : https://www.miranda-media.ru/stop_rkn.html (дата обращения: 01.06.2021).
56. Электронная переписка автора статьи с О. П. Вареником 2016–2021 годов.

ПИСЬМА А.Т. АВЕРЧЕНКО К Е.Ф. ПЕТРЕНКО

Письма публикуются впервые по автографам, представленным в личном фонде № 343 «Е. Ф. Петренко» в Российском национальном музее музыки (далее РНММ). В угловых скобках оформлены конъектуры публикатора; в квадратных — ссылки на примечания. Особенности авторской пунктуации сохранены.

Для цитирования:

Аверченко, А. Т. Письма А. Т. Аверченко к Е. Ф. Петренко / Публикация и примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2021. № 3 (18). С. 39—44.

1

<Июнь 1915 года > [1]

Целыми днями думаю о тебе, моя славная любимая Лиза. Со мной совершилось что-то странное и чудесное. Будто спала с глаз какая-то пелена, будто прозрел я как-то в последние дни и только в эти дни по-настоящему понял, что люблю тебя.

Когда начинаю думать о тебе — с головой погружаюсь в теплые душистые волны, которые выносят меня и нежно кладут на розовый берег, где ты ждешь меня, моя любимая, и я попадаю в ласковые крепкие объятия, в самую чудесную в мире цепь — цепь твоих рук.

А без тебя — погибну... Чем дальше, тем больше убеждаюсь в этом. Не будет жизни.

Хотел вдуматься, проследить — что же случилось в эти несколько дней, чем объяснить, что я именно в последние дни упал к твоим ногам, как подкошенный?

Пытаюсь разобрать это — и не могу. Ничего не случилось и случилось что-то огромное.

Не знаю, что будет, но сейчас, как стрелка компаса, стремлюсь только в одну сторону к тебе.

Изъ лѣтняго альбома.

Аркадій Аверченко.

Фот. Костенского.

Писатель в июне 1915 года, во время «кавказских вечеров». «Рампа и жизнь». 1915. № 28. Републикуется впервые.

Я всегда был дерзким в своих тайных мечтаниях о многом. И всегда эти мечтания осуществлялись. Неужели, и мечта моя о тебе, о твоей любви осуществляется?

Даже жутко. Хорошо, что я никогда не мечтал быть царем. Вообрази, в какое нелепое положение попал бы я при осуществлении и этой мечты.

Сейчас ты стоишь перед моими глазами последняя, помнишь там, на вокзале, вся в черном, вся задумчивая и до боли, до трепета в сердце ласковая со мной. Люблю тебя так за это и за все, что желаю тебе своего собственного счастья, даже ценою моего...

Написал я это, и самому стало страшно...

Ну, не надо меня обижать, ну пожалуйста...

А я, все-таки, думаю, что вы там все обо мне немного вспоминаете: не Петя [2], так Журка [3], не Журка, так мамочка [4]. А Лида [5] вспоминает тихо и про себя.

Сегодня смотрел на луну и думал: не смотрит ли и Лиза на нее? Это называется «они встретились взглядами».

Ах ты солнышко мое, золотое.

Завтра утром генеральная репетиция моих пьес, а вечером 14-го первый вечер в Пятигорске [6].

Афанасьев [7] оказался на высоте. От выбора дней до афиш — все хорошо.

Ну, до свиданья.

Так как Журки тут близко нет — то крепко, крепко целую тебя в губы, глазки и куда попадет. А Журка-то воображает — хи-хи. Бедная обманутая девочка.

Люблю тебя.

Аркадий

[1] Публикуется по: РНММ. Ф. 343. Ед. хр. 52. Л. 1-2 об. Датируется на основании указаний автора: написано за несколько дней до его первого вечера юмора в Пятигорске 14 июня 1915 года.

[2] Пётр Фёдорович Овчаренко (ок. 1873– ?) — бывший муж старшей сестры Е. Ф. Петренко Лидии, отец Журы. Служил учителем математики в Ахтырской прогимназии.

[3] Домашнее прозвище Евгении Петровны Овчаренко (1902– ?) — племянницы Е. Ф. Петренко, дочери её старшей сестры Лидии.

[4] София Ефимовна Петренко, мать Е. Ф. Петренко.

[5] Старшая сестра Е. Ф. Петренко.

[6] Гастролями в Пятигорске открылись «кавказские вечера» писателя 1915 года.

[7] Известный антрепренёр, глава концертной дирекции, с которой А. Т. Аверченко сотрудничал в 1914–1916 годах.

<Конец июня-первые числа июля 1915 года> [1]

Здравствуй, моя любимая. Вместо этого письма хотелось бы просто увидеть тебя и посмотреть в твои тихие глаза, да нельзя. Нельзя потому, что хочу отделаться на будущую неделю от Москвы и во вторник, в среду спокойно приехать в Мустамяки [2]. Можно? Я слоненок [3] хитрый и рассуждаю так: лучше мне повидать тебя там, где спокойно и безлюдно, чем тут, в этой толчее.

Вот что я тебе скажу.... Хотя ты и далеко от меня, но мысль о тебе со мною каждые пять минут, каждую минуту. Ты знаешь? Я о тебе всегда много думал, а после этого польского вечера, этой польской ночи, этого польского утра — ты впятеро больше овладела мной [4]. Странное ощущение, когда человек может сказать себе: я счастлив. Я этого даже не говорю себе, а просто ощущаю каждым своим нервом, каждой мозговой извилиной. Какое счастье, что я люблю, какое счастье, что ты любишь меня (ведь это правда, да?), какое счастье, что я тебя скоро увижу. Ты моя, ты имеешь право на большое счастье и счастье придет, оно уже пришло. Только ты, может быть, этого не замечаешь. Потому ты глупая.

У меня сейчас два счастья — одно в любви, другое в отдыхе. Я, знаешь ли, очень измучился за этот год. Все было угрюмо, мрачно и насыщено желтым, нездоровым туманом, в котором тяжело дышится, плохо спится и вяло работается. Теперь вошло большое ослепительное солнце, туман свернулся клубком, уполз, и кузнечики заплясали в изумрудной траве, и цветы алые кивают нам с тобой ласковыми головками: «Добро пожаловать». Легче дышится — ты чувствуешь?

Как хорошо впереди, какие перспективы!

Осень и зиму поработаем на славу, я заработаю много денег, за это время, конечно, кончится война, а весной — май, июнь, июль — мы расправим крылья, вспорхнем и полетим куда нам хочется. Все дороги открыты нам и ни один путь не заказан. Признайся, Бипочка [5], что мы с тобой эти три месяца уже заслужили.

Знаешь, какая у меня дерзкая мечта? Наглец-то я ведь преизрядный... Хочется мне, чтобы ты, пожив со мной немного, вздохнула однажды сладко и глубоко, открыла глаза широко и сказала сама себе: «Кажется, что я только начинаю жить. И, Боже ты мой, какая нелепая, ненастоящая жизнь осталась там, позади». Все кипит и бурлит в душе моей одним желанием: Дать ей счастье! Дать ей счастье!

Сумею ли? Попробую. Все сделаю, что мне доступно.

Только люби меня. Ладно?

Послушай... Дождись меня, пожалуйста, в понедельник в городе, и хорошо было бы поехать в Мустамяки вместе. А если нет, то я приеду в Мустамяки во вторник утром. Ты не бойся — мешать тебе не буду — отдавай мне только немногие свои свободные часы. А в остальное время я буду тихо, как слоненок, сидеть в своей норе и писать. Хорошо бы поставить в комнату другую кровать и положить на нее Рождественского [6] — он своим храпением

так мило вдохновлял меня (см. Псков [7]). Впрочем, ну его к черту — теперь даже в шутку никого не нужно, кроме тебя. Милое ты мое существо, потому что.

Был вчера в своей конторе [8]. Поразительно, как идут книги... Управляющий [9] только плечами пожимает. Тут же он сообщил мне приятную новость. Ты знаешь, мое «Путешествие в Европу» вышло в свет в те дни, когда я уехал из Ахтырки [10]. Много ли прошло времени? А нынче уже управляющий говорит: «Черт его знает, что делается... Приходится выпускать новое издание. Все вышло». Я, хоть и избалованное животное, а и то удивился. Это — рекорд, чтобы книга разошлась (3 000) в 3 недели. Наверное, ты приносишь мне счастье. Я только сухо заметил ему: «Новые 3 000 — новые 900 рублей» [11]. — «Да», — грустно ответил этот кремень. И мы оба цинично рассмеялись. Подлец «Шиповник» [12] сжался в комок и написал письмо, что освободить от контракта не может, а 750 руб. могу получить 5-го числа с.м. Хорошо это или дурно — Бог его знает. Как деньги — хорошо, как продолжение рабства — скверно.

Вообще, все это не мешает мне думать только о тебе и жить тобой, моя ненаглядная. Люби.

Твой Аркадий.

[1] Публикуется по: РНММ. Ф. 343. Ед. хр. 53. Л. 1-2 об. Судя по содержанию, письмо написано между выходом первого и второго изданий книги А. Т. Аверченко «Сатириконтцы в Европе» (см. ниже комментарий 10). Указание на то, что гонорар в издательстве «Шиповник» Аверченко может получить «5-го числа с.м.», то есть 5 июля 1915 года, позволяет предположить, что письмо написано до этой даты.

[2] Е. Ф. Петренко ездила в Мустамяки на дачу профессора Санкт-Петербургской консерватории К. Л. Ферни-Джиральдони, у которой брала уроки. Судя по контексту, они с Аверченко также снимали дачу.

[3] Семья Петренко дала Аверченко прозвище Ямбо в честь известного в то время слона.

[4] О польском вечере см. в тексте статьи.

[5] Вероятно, прозвище происходит от названия плачущих или говорящих кукол-«beer».

[6] Рождественский Н. Н. (? – 1934) — оперный и камерный певец, тенор, партнёр Е. Ф. Петренко по сцене в опере Народного дома императора Николая II.

[7] Дата совместного концерта Петренко, Рождественского, Аверченко в Пскове пока не установлена.

[8] Контора и редакция «Нового Сатириконтца» в это время располагалась на Невском проспекте, 88.

[9] М. И. Аппельхот.

[10] Правильно «Сатириконтцы в Европе». О том, что книга вышла и поступила в продажу, «Новый Сатириконт» (№ 23) впервые сообщил 4 июня 1915 года; о выходе второго издания — 23 июля 1915 года (№ 30).

[11] Судя по контексту, речь идёт о размере взятки.

[12] Столичное издательство, выпустившее в 1910–1911 годах три тома юмористических рассказов А. Т. Аверченко. Речь идёт об их переизданиях, как видно, на тех условиях, что автора перестали удовлетворять.

3

<Июль 1916 года> [1]

Ну, вот, теперь, наконец, и здравствуй — по-настоящему.

Очень уж я по тебе скучаю, господи, и люблю.

Все в ушах стоит тихий скрип половиц в моей комнате, вечером... Когда все улягутся [2]. Ой-ой, какие мысли лезут в голову. Лизочка, милая, ты не сердись. Я дурак, что с меня взять.

Напиши, где — ты: в Клементове [3] или уже в Ахтырку вернулась? И не обижал ли кто-нибудь тебя в Клементове? А, может быть, наоборот?

Милое ты мое существо. Хочется мне поцеловать тебя в глазки и затылочек. Не надо жмуриться — терпи.

Вот когда я зажмурюсь, так делаю это с толком: сейчас же вижу себя сидящим за мирным столиком у открытого окна за работой. Передо мной цветы, поставленные тобой, а за окном на фоне зелени мелькаешь ты, моя милая, в красной повязке на голове и с ошеломляюще деловым видом во всей фигуре [4]. Посмотрю я на тебя, на душе станет еще спокойнее и лучше работается. А тут чепуха, контракт, стена перед глазами, в ушах звучат автомобильные гудки и телефон стоит так, будто готов, подлец, сию минуту зазвонить...[5]

Кстати, знаешь: я привез из Ахтырки привычку не спать днем, вставать утром без чтения и завтрака в постели, а кроме того, принимаю по пробуждении ванну из холодной воды. Единственные три средства не ухудшить своего самочувствия по сравнению с Ахтырским.

*Отпуск в Ахтырке, о котором идёт речь в письме № 3.
Изображены слева направо: А. Т. Аверченко, неизвестный, Жура (Женя Овчаренко),
Е. Ф. Петренко, неизвестная, П. Ф. Овчаренко (отец Журы).*

Конец июня – начало июля 1916 года.

Из личного архива О. П. Вареника.

И все-таки, другой прогресс: ложусь не позже часа ночи. Если меня потащут живым на небо — не очень убивайся. Так мне и надо — заслужил.

Уже появились зловещие признаки новобранчества: приходил дворник и спрашивал, какого я разряда. У меня чесался язык хвастливо заявить, что «самого первого!», но скромность взяла верх и я застенчиво пробормотал: «второго, а то, пожалуй и третьего».

Думаю, что в бою я буду страшен.

Наш управляющий говорит [6], что надо во избежание испытания в душном, зловонном лазарете, где держат 3–4 дня, запастись свидетельством о состоянии зрения у професс. Беллярминова [7]. Тогда лазарет отпадает и меня просто или возьмут или не возьмут. Вероятнее, последнее.

Бипочка [8], напиши мне письмо побольше и, вообще, люби меня, пожалуйста. А уж я тебя люблю — это верно. Передай мой поцелуй Лиде [9], маме [10] и Журе [11]. Ну, конечно, можно и Николаю [12], только с некоторой примесью омерзения и страха.

У нас сейчас два события: арест Митьки Рубинштейна [13] со чады и второе — смена министров [14]. Последнее хуже и многозначительнее... Дела засасывают меня медленно, но верно. Когда ты приедешь — одна рука будет торчать, да нога, как, помнишь, на витрине модного магазина в Выборге.

Пришел Давид [15]. Очень тебе кланяется. Так тебе и надо. Ну, до свиданья пока. Еще тебя целую нежно и ласково.

Аркадий.

<Допись> А Давид вернул 10 000 рублей, да еще сделал начет 500 рублей. Высчитал, что мне следует. Чудак, а славный.

[1] Публикуется по: РНММ. Ф. 343. Ед. хр. 54. Л. 1-2 об. Датируется по упоминанию ареста Д. Л. Рубинштейна и отставки министра С. Д. Сазонова (см. ниже примечания 13–14).

[2] То есть в доме семьи Петренко в Ахтырке.

[3] В 1911 году Е. Ф. Петренко взяла в аренду на 90 лет село Клементово рядом с Ахтыркой. Ныне там расположены базы отдыха.

[4] См. фото из личного архива О. П. Вареника выше.

[5] Аверченко описывает детали кабинета в своей квартире в Санкт-Петербурге на ул. Троицкой (ныне Рубинштейна), 15–17: рабочий стол стоял у окна, выходящего в глухой двор. Телефон, по воспоминаниям, стоял на рабочем столе.

[6] См. комментарий 9 к письму № 2.

[7] Беллярминов Леонид Георгиевич (1859–1930) — выдающийся врач-офтальмолог. В описываемое время возглавлял кафедру офтальмологии в Императорской военно-медицинской академии.

[8] См. примечание 5 к письму № 2.

[9] См. примечание 5 к письму № 1.

[10] См. примечание 4 к письму № 1.

[11] См. примечание 3 к письму № 1.

[12] Петренко Николай Фёдорович (1883 – ?) — младший брат Е. Ф. Петренко.

[13] Рубинштейн Дмитрий Леонович (Львович) (1876–1937) — петроградский банкир, биржевой делец, приближенный к Г. Е. Распутину. Был арестован в ночь на 10 июля 1916 года по обвинению в пособничестве Германии.

[14] Писатель имеет в виду скандальную отставку министра иностранных дел С. Д. Сазонова 7 июля 1916 года.

[15] Поташинский Давид Давидович — приятель харьковской молодости Аверченко; по некоторым данным, его коммерческий директор.

УДК 821.161.1-31 Эренбург+811.161.1'373.232

Икитян Людмила Нодариевна

Кандидат филологических наук,
главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма»;
Российская Федерация, Армянск, e-mail: gp_glavred@mail.ru

**ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЛИЧНОСТИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА: ЗАГЛАВНЫЙ АНТРОПОНИМ
РОМАНА И. ЭРЕНБУРГА «НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ХУЛИО
ХУРЕНИТО И ЕГО УЧЕНИКОВ»**

Автор статьи разрабатывает проблему художественного ономастикона на материале первого романа Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921). В статье художественная номинация главных героев рассматривается как один из способов организации художественного текста.

Ключевые слова: русский роман первой трети XX века, имя как репрезентант личности литературного персонажа, художественная номинация (антропонимы), И. Эренбург.

Lyudmila N. Ikityan

PhD in Philology science,
Editor-in-chief of the journal "Humanitarian Paradigm";
Russian Federation, Armyansk

**PROPER NAME AS A REPRESENTATIVE OF THE PERSONALITY OF A
LITERARY CHARACTER: THE TITLE ANTHROPONYM OF I. EHRENBURG'S
NOVEL "THE EXTRAORDINARY ADVENTURES OF JULIO JURENITO AND
HIS STUDENTS"**

Abstract. *The author develops the problem of artistic onomastic in the on the material of the first Ehrenburg's novel "The Extraordinary adventures of Julio Jurenito and his disciples" (1921). Art nomination of the main characters is regarded as one way of organizing provocative literary text.*

Key words: *Russian novel of the first third of the twentieth century, name as a representative of the personality of a literary character, art nomination (anthroponomy), Ilya Ehrenburg.*

Для цитирования:

Икитян, Л. Н. Имя собственное как репрезентант личности литературного персонажа: заглавный антропоним романа И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» // Гуманитарная парадигма. 2021. № 4 (19). С. 45–55.

...и даже имя моё станет презренным. Да будет так!

И. Эренбург «Необычайные похождения
Хулио Хуренито и его учеников»

Одним из способов организации литературного текста, позволяющим заглянуть в его глубинное семантико-экспрессивное и историко-культурное пространство, является художественная номинация. В процесс именования персонажей автор преследует определённую цель и полагает решение тех или иных художественных задач — порой сугубо эстетических (как, например, нарочито благозвучный ономастикон сентиментальной прозы), но чаще смысло-содержательных (маркирование кодовой информации в именах-репрезентантах).

Продумывание создателем текста литературного имени связано со стремлением индивидуализации и идентификации персонажа, что отличает этот процесс от имянаречения в обычной жизни. Традиция присвоения человеку имени предполагает выбор варианта из устойчивого «списка» имён, «существующих оторванно от конкретных носителей антропонимии» [14, с. 62]. Как результат, в жизни «антропоним существует „вообще“, вне конкретного денотата» [Там же], а значит, не является именем собственным в полном смысле [16, с. 155]. В искусстве же имя собственное наделяется конкретными смыслами, что способствует превращению апеллиатива в оним: став именем персонажа, антропоним приобретает значение, содержание которого находится в столь тесной связи со своим литературным носителем, что со временем может определять новые культурные смыслы. «Возвращение» такого антропонима в «список» имён уже сопровождается отсылкой «к внесоциумному денотату или к денотату „своего“ (в данном случае литературного — *Примеч. Л. И.*) социума» [14, с. 63], а наличие в нём фантомных смыслов намечает развитие имени собственного «в сторону апеллиатива» [Там же], то есть в имя нарицательное (верная Пенелопа, Робинзон, Франкенштейн, Рокамболь, Фома и Ерёма, Митрофанушка, бедная Лиза, Шариков, Лолита и т. д.).

Смысловая нагрузка литературных имён настолько существенна, что можно говорить о своеобразном коде художественных антропонимов.

Осознание имени собственного в качестве репрезентанта личности литературного персонажа выдвинуло процесс художественной номинации в авангард важнейших средств поэтологии.

Образцом активной художественной репрезентации героя посредством его имени является один из интереснейших образцов произведений начала XX века, а именно — достигший в этом году столетнего юбилея роман И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921). Задуманный в конце 1916 года во Франции в разгар Первой мировой войны [12, с. 120], нафантазированный за столиком киевского кафе под чашечку душистого турецкого кофе [Там же, с. 164], «давно продуманный и пережитый» [Там же] роман, наконец, был стремительно написан в самый, казалось бы, неподходящий период: «время не благоприятствовало романам», исторические события были «слишком близки и слишком грандиозны» [Там же, с. 200]. Остаётся предполагать, насколько быстро автор определился с именем центрального персонажа. Оно вынесено в заглавие книги, что всегда знаково. При этом полное название романа, занимающее, по ироничному замечанию Эренбурга, 50 страниц из 350-ти листов всего текста [Там же, с. 232], содержит также имена персонажей, означенных учениками главного героя. Следует отметить, что это представители разных мировых культур — «шесть человек, шесть национальных типов» [9, с. 101], и их имена имеют соответствующий «облик»: это европейцы — Карл Шмидт (немец), мосье Дэле (француз), Эрколе Бамбучи (итальянец), это американец — мистер Куль, русский — Алексей Спиридонович Тишин, африканец — сенегалец Айша. Седьмой ученик выведен в полном соответствии с реальным именем самого автора, что представляется интересным и нестандартным ходом Эренбурга-писателя. Однако носителем еврейского национального духа (коим предположительно мог быть герой с именем Илья Эренбург) он не стал; по замечанию Льва Лунца, «рядом с остроумными, живыми портретами итальянца, француза, негра он выглядит тенью без лица» [9, с. 102]. Наиболее же ярко «экзотический» колорит отображён в имени центрального героя романа — Хулио Хуренито.

Герой-иностранец — изначально особый персонаж в литературе. Первая информация, извлекаемая из антропонима Хулио Хуренито, конечно, не семантика, а его, так сказать, культурная аура. Родина этого героя — испаноговорящая Мексика, потому его фамилия содержит легко вычленимый в её структуре уменьшительно-ласкательный суффикс -ito (-ita), содержащий в себе, по замечанию В. Набокова, «много латинской мягкости»

[10, с. 134]¹. Закономерен и выбор Эренбургом одного из ходовых в латиноамериканских странах имён Хулио (Julio) [15, с. 140]. Однако происхождение этого имени от Юлиан в сознании русского читателя не столь актуализировано, сколь его звуковой облик. В русской огласовке звукосочетание «ху», стоящее в начале имени и удвоенное в фамилии героя, производит специфичный фонетический эффект, который делает этот антропоним несколько фривольным и вызывающим, а позицию автора позволяет расценивать как хулиганскую [см. 8, с. 345]. Именно форма «Хулио» создаёт тот эффект, который, например, в варианте ошибочного именованья героя автором заметки в киевской газете «Русь», на наш взгляд, утрачен: «И. Эренбург работает в последнее время над новой книгой „Жизнь и учения Хумо Хуренто — пророка небытия“» (З. Д. «Новый роман», от 25 октября (7 ноября) 1919) [цит. по: 13, с. 375]. Предположительно искажение имени заглавного героя могло произойти либо в результате восприятия на слух автором заметки новости о романе (тогда ещё не написанном), либо в ходе ошибки наборщика, расценившего имя героя в старой орфографии «Хуліо» как «Хумо». Ошибочным видится и пропуск буквы в фамилии героя [Там же]. Безусловно, звучание варианта «Хулио Хуренито» ассоциативно и вызывает непроизвольную улыбку читателя уже в момент знакомства с «сатирической энциклопедией» [9, с. 101] Эренбурга.

Подобный принцип «вызывающей» номинации использован писателем и позднее, например, в именовании заглавного героя романа «Бурная жизнь Ластика Ройтшванца» (1927). В самом начале повествования автор рассуждает о том, что «бывают фамилии и покрасивей» «невзрачной» фамилии гомельского портного, от которой барышни взвизгивали: «ай-ай-ай» [21, Т. 3, с. 7, 8]. Вся первая глава романа — экскурс в историю отношений героя со своей «глупой» фамилией, оцениваемой им в условиях нового постреволюционного времени как «опытно-показательная», чем и вызван отказ от замены её на более благозвучную: «Другие теперь приделывают себе слово „красный“, как будто оно у них всегда было. <...> В самой фамилии мне

¹ Данный суффикс широко распространён в испанском языке Латинской Америки, в том числе и в именах собственных. Его мелодичность привлекала В. Набокова в момент поиска имени главной героини его романа «Лолита»: писатель планировал «уменьшительное имя с лирическим мелодичным звучанием», которому, помимо прочего, способствовал, содержащий «в себе много латинской мягкости» суффикс «ита» [10, с. 134]. Изначально рассматривались имена Хуанита, Жуанита с тем же суффиксом. Акцентировал Набоков внимание и на том, что «для достижения необходимого эффекта мечтательной нежности» имя героини лучше «произносить с иберийской интонацией, а не по-американски, то есть без раздавленного „л“, грубого „т“ и длинного „о“»; в русской же огласовке сохранялось желаемое («вполне по-испански») звучание имени Лолита [10, с. 167].

сделан тонкий намёк. ... „Ройт“ — это значит „красный“» [Там же, с. 10]. О второй части фамилии герой отзывается пренебрежительно, как о малозначимом «пустом звуке» [Там же]. Умолчание же героя становится понятным при расшифровке слова «шванец», которое в созвучии с немецким Schwein означает «свинья», а в переводе с идиша (טויףן שוויט) — хвост. Фамилия, переводимая как «красный хвост», уже иронически заряжена. Однако от современного читателя «ускользает» ещё более ироничный смысл, хорошо известный и Эренбургу, несмотря на незнание им идиша, «и многим его читателям, выросшим по соседству с говорящими на идише евреями» [5]. Им была понятна «пикантная двусмысленность» «сакральной» части фамилии, скрытая в «нелитературном» значении слова «шванец», имевшим хождение среди носителей языка [см. подроб. 3]. Вариант же имени Лазик (от Лазарь или Лейзер) иронично обыгрывается в звучании любимой самоустановки героя, которой он всегда следовал как жизненному кредо: «Лезь, Лазик, лезь» [21, Т. 3, с. 7]. Как видим, в романе о «еврейской Швейке» Эренбург совместил принцип звучания имени (план выражения) с планом его содержания, выявляемом при расшифровке фамилии Ройтшванец.

К ироническому отзвуку имени-знака Хулио Хуренито стоит приобщить и некоторые особенности графического облика имени, не менее активных в его плане выражения. Наиболее знаковыми в нём видится начертание заглавных букв «Х». В сокращённом названии романа, произведённом от инициалов имени главного героя, порой видят числовое обозначение XX века, его «иррационального духа» [8], «отличным символом которого стала эта книга» с предсказаниями множества катастроф минувшего столетия [2]. Но такое толкование демонстрирует взгляд человека, которого с романов разделяет значительная временная дистанция, позволяющая делать обобщения в форме, скорее, литературоведческой метафоры, нежели научного аргумента. Хотя утверждается, что совпадение инициалов имени Хулио Хуренито «с именем века — XX» обеспечивается «ролью персонажа, призванного выразить сущность и судьбу последней надежды человечества на духовное возрождение» [1] — что по истечении XX века может быть признано, пожалуй, самым важным из пророчеств Эренбурга, которыми наполнен роман о «великом провокаторе».

Более обоснованным в расшифровке смысла, заключённого в графеме «Х», видится проекция заглавных букв имени и фамилии героя Эренбурга на прозвище Иисуса — Христос (др.-греч. Χριστός — «масло») — помазанник.

Конечно же, это пародийная проекция [см. 11]², на комически-карикатурный характер которой работает и указанное ранее неблагозвучие имени Хулио Хуренито. Увенчанное начальными «Х» имя «великого провокатора» обратно пропорционально возложенной на него миссии великой повитухи истории [21, Т. 1, с. 220]. Приемлемы также и прямые ассоциации с литерой латинского алфавита («икс»), которая сначала в математике, а затем и в самом широком контексте означает 'неизвестное', следовательно, может выражать недостаток информации о «мистере Икс». Бóльшая ассоциативность литеры «Х» выявляется в инициальном сокращении имени³, к которому Эренбург прибегает, например, в своих мемуарах. Так, его писатель зашифровал имя Л. Д. Троцкого, с которым работал в газете «Правда» в 1909 году в Вене: «Х. был со мною ласков и, узнав, что я строчу стихи, по вечерам говорил о поэзии, об искусстве» (Эренбург Э. Люди, годы, жизнь).

Представляет интерес и форма употребления имени героя-иностранца Хулио Хуренито. Для постоянного его именования автор использует двучленную модель «имя+фамилия». Как отмечено выше, именно она производит существенное воздействие на читателя. Однако, как своего рода дань национальной специфике этого героя, Эренбург упоминает его полное имя — Хулио-Мария-Диего-Пабло-Анхелина. В подобных многочленных структурах отражена традиция уточнения антропонимной единицы для сохранения её индивидуализирующей специфики [14, с. 61–62]. При этом «дополнительные» имена, как правило, имеют статус «крестильных», то есть как бы полученных (от Бога); критерием их выбора служит, как правило, благозвучие, а вовсе не дифференцирующая функция, что и позволяет оценивать их роль в процессе коммуникации как вторичную [см. 16, с. 161] (это косвенно подтверждает и единичное употребление полного имени героя в тексте романа). Однако расшифровка всех составляющих имени Хуренито показательна именно в связи с их знаковой функцией. Так, первые два «Хулио-Мария» демонстрируют противоречивость фигуры «великого провокатора» конфликтом неблагозвучия первого и «святостью» второго. Семантическое наполнение антропонима *Хулио* определяется как 'кудрявый'. На первый взгляд, это значение раскрывает одну из черт внешности этого

² Такие же ассоциации вызывает и имя героя Л. Андреева кардинал Х. («Дневник Сатаны»). С одной стороны, инициал имени персонажа с высоким церковным статусом указывает на его принадлежность к церкви Христовой; с другой, «обезьянье» обличье кардинала («старая бритая обезьяна») заставляет думать о «перевернутой» низово-комичной проекции Божьего лика в его фигуре, соотносимой с образом дьявола, профанирующего (перечёркивающего, подобно букве «Х») учение Христа [подроб. см. 7, с. 201–202].

³ Как в уже упомянутом имени героя Андреева кардинал Х.

персонажа, поразившего посетителей парижского кафе своими «жёсткими, густыми завитками волос, как у негра» [21, Т. 1, с. 224]. Художественное же обыгрывание этой портретной детали в романе куда сложнее: «кудрявость» Хуренито весьма специфичная частность внешнего вида героя, сводимая к значимым концептуальным обобщениям, а именно — крутые завитки волос иностранца под загадочной шляпой-котелком чудятся дьявольскими рожками. Гипотетическая реальность кудрей-рожек настолько велика, что фантазия героя, впервые увидевшего Хуренито, дорисовывает и хвост, который, по его мнению, обязательно должен скрываться под широким плащом иностранца. Сочетание в облике новоявленного Учителя анатомии чёрта (пусть кажущихся рогов и хвоста) и одежды, служащей средством их сокрытия от посторонних глаз упрочивает infernalную «типичность» персонажа. В таком художественном представлении внешность Хулио Хуренито, которая сначала кажется ситуативной деталью, на самом деле «работает» как метафора маски для демона-плута⁴.

Во втором «компоненте» полного имени Хулио Хуренито — *Мария* — находят место христианские аллюзии, вступающие в конфликт с демонической сущностью героя. Ассоциативна (без обращения к значению имени) отсылка к образу Богородицы⁵, что обеспечивается привязкой к дате рождения героя — дню празднования католиками Благовещения Пресвятой Богородицы 25 марта. Мы настаиваем на контрастности низа и верха в паре имён «Хулио-Мария», подсказанных Эренбургу, с одной стороны, традицией имянаречения в Испании и испаноязычных странах Латинской Америки, где имя Мария входит в подавляющее число полных имён, причём как девочек, так и мальчиков [см. 15], с другой, реальным носителем такой комбинации имён, послужившим прообразом Хуренито, — художником Диего Ривера (полное имя которого Диего *Мария* де ла Консепсьон Хуан Непомусено Эстанислао де ла Ривера и Баррьентос Акоста и Родригес). Существенно и то, что имя Хулио функционирует как «мирское», а имя Мария открывает «блок» крестильных имён, а значит, первое выбирается как имеющее соответствия «с теми или иными значимыми характеристиками именуемого лица» [16, с. 155]), а второе воспринимается «как указание Провидения», слабо

⁴ В абрисах художественное представление внешности Хулио Хуренито зеркально повторяет описание чёрта из повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» — совершеннейшего «немца», то есть чужака-иноземца, или губернского стряпчего в мундире с острыми и длинными фалдами.

⁵ Сочетание религиозного компонента с сатирой признаётся, во-первых, предельно удачным, так как религия задаёт ту же высоту взгляда, что и сатира, без которой она не может [2], во-вторых, успешно тиражируемым: имя героя Ильфа и Петрова Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей признаётся прямой цитатой из Эренбурга [Там же].

соотносясь с «социальными или личностными характеристиками именуемого» [Там же]. Этим ещё более упрочивается конфликтное сосуществование в фигуре Хуренито дуализма мировых начал.

Три последующих имени полного онима героя предполагают последовательное соподчинение смыслов, конкретизирующих амплуа мудрого и одновременно курьёзного провокатора, закреплённого за героем. Имя *Диего* (исп. От Иаков — 'учение', 'доктрина') вполне согласуется с развёрнутой системой его философских суждений о множестве самых разных предметов, старательно перечисленных автором в полном названии романа. К тому же имя Диего нередко переводится и как 'преподаватель', что напрямую связано с постоянным в тексте романа именованием героя Учителем. При этом Хуренито не претендует на доктринёрство и наставничество [21, Т. 1, с. 219–220], и эта его непритязательность и даже некоторое самоумаление закреплёно в имени *Пабло* — 'малый'. Однако нельзя не отметить провидческий характер умозаключений героя, на «вестническую» миссию которого, возможно, указывает имя *Анхелина* (Ангел с др.-греч. 'вестник').

Подытожим. Значительную концептуальную нагрузку имеет сниженный фривольный фонетический облик имени Хулио Хуренито: он изобличает низовую функцию героя-подстрекателя. Однако не меньшее, чем звуковой облик имени героя, значение имеет и семантика всех составляющих сложного именного комплекса, расшифровка которого требует от читателя прозорливости и способности преодолеть навязчивые звуковые ассоциации. В дополнительных личных именах героя заключено указание на его высокую миссию изобличителя язв общества — учителя (Диего) и провидца (Анхелина), находящегося под защитой Богоматери (Мария). Все составляющие имени этого героя определяют комбинированный семантико-экспрессивный и историко-культурный подход к пониманию выведенной автором фигуры, то ли благородного хитреца из народных сказаний, то ли демона-погубителя. Хотя, следует признать, что на русскоязычного читателя особое воздействие производит всё же фонетическая форма имени героя — именно она, будоража слух реципиента текста, выполняет сигнальную функцию и предопределяет мысль о закодированности в фигуре «великого провокатора» мрачного вестника мира, мчащегося навстречу тому, о чём кричат заглавные буквы имени Хулио Хуренито.

Следует отметить также «включённость» этого имени в художественный контекст (как собственно авторский, так и смежный ему), в котором имя «великого провокатора» продолжило жить уже вне романа. Хорошо знакомое

читателю имя собственное «героя-реминисценции» (А. Вулис) «в несколько подправленном издании берётся напрокат для сатирического произведения» [4, с. 43] самим писателем или его коллегами. Курьёзность героя первого романа Эренбурга была обыграна его внимательным читателем — М. Булгаковым [18, с. 246; см. также 19]. В его фельетоне «Как разбился Бузыгин» (1923) имя Хулио Хуренито носит председатель месткома — герой, о котором ничего неизвестно, кроме имени-фамилии, которыми подписана телеграмма. Ироничность такой номинации у Булгакова заключается в звуковой имитации чего-то наподобие чиха чиновничьего безразличия и посыл на соответствующие «фривольные» буквы. словно в зеркальном отражении такому герою дан образ его «заместителя», носящего имя Иисус Навин. Однако оба чиновника — и профанного низа (Хулио Хуренито) и, как может показаться, сакрального верха (Иисус Навин) не создают бинарности, они представители одной системы и оба являются её продуктом, как и прочие с ещё более «пёстрыми» именами (тов. Стрихнин, Помпон, секретарь Кузя и др.). Глубокая ирония использования Булгаковым имени Хулио Хуренито скрыта в осознании нереальности (или весьма малой вероятности) существования в Стране Советов чиновников с таким именем.

Сам Эренбург использует имя мексиканца в своей рецензии на книгу Григория Бостунича «Масонство и русская революция» (Сербия, 1922) только уже в качестве эргонима — названия масонской ложи, членом которой он называет себя иронично как результат того, что «взбесился, познакомившись с бреднями Бостунича» [20]: «Масон ложи „Хулио Хуренито“, мексиканского толка, 32 ст. („принц королевской тайны“), хасид и цадик, чекист в 4 личинах (жид — мадьяр — латыш — китаец) И л ь я Э р е н б у р г» [Цит. по: 20]⁶. Такого рода «цитирование» (при всей ограниченности функционирования героя-реминисценции) используется как возможность «подобрать» для социального явления более или менее подходящую „человеческую“ оболочку» [4, с. 43].

Что это, как ни свидетельство оригинальности приёмов работы Эренбурга над номинацией своих героев, точные данные по «расшифровке» которых учёным ещё только предстоят. Многие аспекты поэтики творчества Эренбурга, в том числе ономастикон и приёмы имянаречения персонажей, ждут своего исследователя. При этом принципы художественного оформления именослова в творчестве Ильи Эренбурга достойны внимания и широкой дискуссии. Полагаем, что наши наблюдения над заглавным

⁶ Полный текст фельетона опубликован в эмигрантском журнале «Новая Русская Книга» (Берлин, № 3, 1922, с. 11–12).

антропонимом одного из оригинальнейших романов писателя станут началом объёмного научного изучения ономастикона этого автора, в частности, героя вышедшего вслед за первым романом «Треста Д. Е», «племянника Хулио Хуренито» [12, с. 308] — носителя не менее интересного имени Енс Боот и оригинального амплуа уничтожителя Европы.

Литература

1. Бурова, С. Н. Монументальная мизансцена Ф. М. Достоевского в революционной сюжетологии русского литературного андеграунда 20-х – начала 30-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2013/12/02/1458>
2. Быков Д. Л. Илья Эренбург // Дилетант. 2012. № 6 (июнь).
3. Векс, М. Жизнь как квеч. Идиш: язык и культура / Пер. с англ. А. Фруман. М. : Текст: Книжники, 2012. 384 с.
4. Вулис, А. З. Советский сатирический роман : Эволюция жанра в 20–30 годы / Акад. наук УзССР. Ин-т языка и литературы им. А. С. Пушкина. Ташкент : Наука, 1965. 286 с.
5. Дорфман, М. Евреи и жизнь. Как евреи произошли от славян. М. : АСТ, 2008. 253 с.
6. Журчева, Т. Роман Ильи Эренбурга «Бурная жизнь Ластика Ройтшванеца» как воплощение трагикомического мироощущения автора // Художественный язык литературы 20-х годов XX века. Самара: Изд-во СГПИ, 2001. С. 152–168.
7. Икитян, Л. Н. Узаконенная ошибка: об одной фамилии у Леонида Андреева // Вопросы ономастики. 2019 Т. 16, № 2 С. 199–212. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.022
8. Кантор, В. К. Метафизика еврейского «нет» в романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито» // Русско-еврейская культура / Отв. ред. О. В. Будницкий. М. : РОССПЭН, 2006. С. 345–371.
9. Лунц, Л. Н. Илья Эренбург. «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников»: рецензия // Город: Литература. Искусство : сб первый. Пб., 1923. С. 101–102.
10. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент., подбор иллюстраций Н. Г. Мельникова. М. : Независимая Газета, 2002. 704 с.
11. Николаев, Д. Д. Воланд против Хулио Хуренито // Вестник МГУ. Филология. 2006. № 5. С. 81–90.
12. Попов, В, Фрезинский, Б. Хроника жизни и творчества Ильи Эренбурга. Т. 1 : 1821–1923. СПб. : Лиана, 1993. 382 с.

-
13. Попов, В. Илья Эренбург о романе «Хулио Хуренито» / Публ. В. Попова и Б. Фрезинского // Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 375–378.
 14. Рут, М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 59–64.
 15. Скрозникова, В. А. Испанцы и испаноязычные народы // Системы личных имён у народов мира. М. :Наука, 1989. С. 138–143.
 16. Успенский, Б. А. Мена имени в России в исторической и семиотической перспективе. Избранные труды. Т. II : Язык и культура. М. : Гнозис, 1994. С. 151–163.
 17. Фомин, А. А. Имя как приём: реминисцентный оним в художественном тексте // Вестник Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 28, Вып. 6. С. 167–181.
 18. Чудакова, М. О. «И книги, книги...» (М. А. Булгаков) // «Они питали мою музу...»: книги в жизни и творчестве писателей / Сост. С. А. Розанова. М. : Книга, 1986.
 19. Шаргородский, С. М. Трест БГ (Михаил Булгаков и Илья Эренбург) // М. А. Булгаков: pro et contra, антология / Сост. О. В. Богданова. СПб. : РХГА, 2019. С. 332–345.
 20. Щеглов, Ю. М. Еврейский камень, или собачья жизнь Эренбурга : Историко-филологический роман. Москва: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2004. 739 с.
 21. Эренбург, И. Г. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1990–2000.

~

Слово. Образ. Смыслы

УДК 659.44 + 070.42

Хакимова Елена Мухамедовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры
«Журналистика, реклама и связи с общественностью»,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)»;
Российская Федерация, Челябинск, e-mail: khakimova-elena@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ PR-ТЕКСТЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Публикация посвящена изучению PR-коммуникаций в онлайн-формате. Автор систематизирует научную и методическую информацию о содержательных характеристиках PR-текстов, их жанрообразующих признаках. Особое внимание уделяется примерам текстового сопровождения маркетинговых коммуникаций российских корпораций в новых медиа.

Ключевые слова: *медиакоммуникации, корпоративный сайт, социальные сети, связи с общественностью, PR-текст.*

Elena M. Khakimova

Doctor of Sciences (Philology),
Professor, Department of Journalism, Advertising and PR;
South Ural State University (National Research University)
Russian Federation, Chelyabinsk

ELECTRONIC PR-TEXTS IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA

Abstract. *The paper considers PR communications in online format. The author systematizes scientific and methodological information about the content characteristics of PR-texts, their genre-forming features. Special attention is paid to the examples of textual support for marketing communications of Russian corporations in new media.*

Key words: *media communications, corporate website, social networks, public relations, PR-text.*

Для цитирования:

Хакимова, Е. М. Электронные PR-тексты в современном российском медиaprостранстве // Гуманитарная парадигма. 2021. № 3 (18). С. 56–67.

PR-текст — это сообщение, включающее слова и/или невербальные знаки (изображение, аудио, видео), созданное в интересах организации или лица и адресованное определённым целевым аудиториям; инструмент приращения публичного капитала. Публикации такого типа создают благоприятную коммуникативную среду для субъекта PR. Их задачи — формирование доверительных отношений с целевыми аудиториями; информирование адресата о значимых для субъекта PR событиях; конструирование оптимального публичного дискурса и др. Цель нашей статьи — систематизировать информацию о содержательных характеристиках PR-текстов и их жанрообразующих признаках, представленную в научной и методической литературе, а также рассмотреть актуальные примеры текстового сопровождения маркетинговых коммуникаций российских корпораций в новых медиа.

В решении вопроса об объёме и качестве информации о субъекте PR М. Ильяхов указывает, что сильный текст о персоне или компании включает в себя заголовок (можно просто название организации) и следующие информационные блоки: 1) кто мы; 2) что делаем; 3) чем полезны целевой аудитории; 4) в каких случаях к нам лучше обращаться (сценарии); 5) кому не сможем помочь (ограничения); 6) наша сильная сторона + факты (специализация); 7) лучшие клиенты с описанием выполненной для них работы [4]. Этот шаблон следует применять осмысленно, то есть использовать только то, что подходит для конкретной сферы деятельности, ситуации, целевой аудитории и т. д. Сведения о том, когда основана компания и какие у неё награды, дипломы, грамоты, по мнению автора, избыточны, если из них не следует никакой очевидной пользы. Чтобы привлечь внимание адресата и вызвать у него доверие, нужно просто и наглядно писать о тонкостях профессиональной практики, с которыми сталкиваются специалисты, например: «Мы делаем так, чтобы для вас свадьба стала волшебным днём. Для этого мы вовремя присылаем машину, заранее украшаем площадку, а развлечения подбираем так, чтобы они были интересны и взрослым и детям. Мы умеем привести жениха в чувство после мальчишника и доставить невесту

к алтарю сквозь пробки. Мы знаем, что делать с разгулявшимся родственником, как договориться с полицией и как спасти праздник, если в зале отключат свет» [4, с. 348]. Ценные рекомендации по подготовке текстов о компании и примеры представлены в роликах М. Ильяхова [3; 5; 6; 7].

В современных публикациях представлено множество подходов к типологии PR-текстов; в научном и профессиональном сообществе профессиональных коммуникаторов получила признание классификация А. Д. Кривоносова [8].

Классификация А.Д. Кривоносова

Виды и жанры ядерных PR-текстов	Цель сообщения	Характеристики
Оперативно-новостные (пресс-релиз, приглашение и др.)	Сообщение новой для общественности информации о деятельности субъекта PR	Актуальность, фактологичность, лаконичность
Исследовательско-новостные (бэкграундер, лист вопросов-ответов и т. д.)	Анализ и интерпретация события, направленная на формирование оптимальной коммуникационной среды	Аналитичность, фактологичность, полнота информации
Образно-новостные (поздравление письмо, байлайнер и т. п.)	Поддержание коммуникативного контакта	Полнота информации, фактологичность, экспрессивность
Фактологические (факт-лист, биография, некролог и др.)	Предоставление дополнительной информации о новостном событии	Полнота информации, фактологичность, специфический язык
Исследовательские (заявление для СМИ)	Информирование через описание и анализ фактов, установление между ними причинно-следственных связей	Фактологичность, экспрессивность, полнота информации

Все перечисленные виды PR-текстов активно используются при проведении PR-кампаний как в реальном, так и в виртуальном формате с учётом ситуационного контекста, бюджета и иных факторов.

PR-тексты в новых медиа обретают некоторые особенности. Онлайн-форматом обусловлены следующие характеристики электронных PR-текстов:

- 1) оперативность подготовки, распространения, получения, обновления PR-информации;
- 2) возможность направлять её узким целевым группам;
- 3) активизация диалога с адресатом через систему виджетов;
- 4) нелинейность в организации содержания, заданная гиперссылками;
- 5) наличие ключевых слов и их сочетаний для адаптации текста к поисковым системам (SEO-копирайтинг);
- 6) поликодовость с преобладанием визуальной составляющей;
- 7) особая структурированность — разбивка на блоки с заголовочными элементами и регламентированным шрифтовым оформлением;
- 8) гибридные жанры (пресс-релиз + приглашение, кейс-стори + приглашение и др.);
- 9) стилевая раскованность;
- 10) игровые техники [2].

Площадкой для размещения и распространения электронных PR-текстов выступают разные типы онлайн-ресурсов:

- 1) корпоративные сайты продвигаемых компаний и их партнёров;
- 2) сайты для публикации релизов — релизоприёмники (например: www.press-release.ru, www.pressroom.ru, www.prnews.ru, www.inthepress.ru, www.pr.b2bsbn.ru, www.pronline.ru и др.);
- 3) новостные порталы (www.km.ru, www.openmarket.ru и т. д.);
- 4) отраслевые порталы различных сегментов рынка (www.turizm.ru, www.gaap.ru, www.credcard.ru и т. п.);
- 5) сервисы электронных почтовых рассылок (Subscribe.ru и пр.);
- 6) электронные СМИ (www.gazeta.ru, www.lenta.ru, www.dni.ru и др.);
- 7) социальные сети, блоги, микроблоги и т. д. [2].

Жанры электронных PR-текстов — это открытая и динамичная система, в которой традиционные PR-тексты трансформируются, обогащаясь новыми элементами.

Электронные версии пресс-релизов. Традиционные пресс-релизы адресованы журналистам. Это служебные информационные документы, цель которых — уведомить редакцию о том, что у PR-специалиста есть интересный информационный повод и материал о корпорации или медийной персоне, которыми он хочет поделиться. Структура пресс-релиза — «перевернутая пирамида»:

- 1) заголовок факта по формуле «кто — что сделал» (*Русфон выпустил новую модель своего телефона*);

2) лид со сведениями о том, когда и где это произошло или произойдёт (*Продажи аппаратов стартуют 14 ноября в 00:00 часов в главном магазине компании на улице Гоголя*);

3) основной блок с включением цитаты — яркой, содержательной, конкретной, недлиной;

4) справка с ключевыми данными о компании (профиль деятельности, рыночные показатели, достижения и др.) и контактами отправителя документа [1, с. 58–71].

Электронные версии пресс-релизов адресованы не только журналистам, но и более широкой аудитории. Онлайн-формат предполагает трансформацию структуры текстов и допускает изменение стиля. Они делятся на две группы: интернет-релизы на веб-сайте компании (рис. 1) и социомедиарелизы в социальных сетях (рис. 2). Определяя отличительные особенности этих текстов от традиционного пресс-релиза, Л. В. Балахонская отмечает, что для них характерны кнопки «Поделиться», релевантные внешние ссылки, места, предназначенные для комментариев, различные видеофайлы и визуальные материалы [2].

Рис. 1. Интернет-релиз

<https://news.alfabank.ru/release/alfa-bank-priznan-luchshim-bankom-v-rossii-po-versii-euromoney/>

Рис. 2. Социомедиарелиз

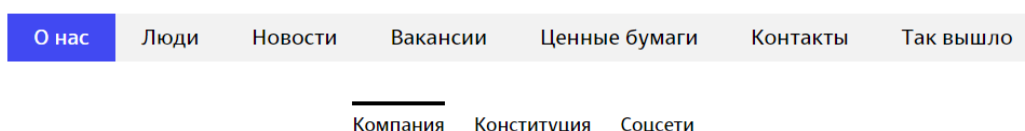
https://www.instagram.com/p/CRYpaChFh_u/

Бэкграундер. Традиционно это справочный PR-текст об истории организации, её продуктах, тенденциях развития. Цель бэкграундера — предоставить журналистам дополнительную информацию для подготовки статьи о компании или интервью с её представителем. Т. Асланов указывает, что этот документ пишется от 3-го лица в строгом стиле, может разбиваться подзаголовками на недлинные абзацы, в нём не должно быть цитат,

профессионального жаргона, сложных аббревиатур и т. д. Рекомендуемый объём — 4–5 страниц, если журналист не спеша работает над публикацией «в кабинетной тиши», и 2–3 страницы, когда бэкграундер готовится для пресс-кита, потому что на мероприятии журналисту некогда читать большие материалы [1, с. 78]. Бэкграундеры могут включаться в корпоративные буклеты и размещаться на корпоративных сайтах (рис. 3). Л. В. Балахонская отмечает, что в интернете такие PR-тексты «могут быть преобразованы в фото- или видеоисторию компании, в аудио- или видеоролики с вопросами и ответами» [2, с. 51]. Показательны в этом отношении размещённые на YouTube видеоматериалы о Студии Артемия Лебедева (<https://www.youtube.com/watch?v=h8cxJnwOX4s> и др.).

Студия Артемия Лебедева

основана в 1995 году

Студия Артемия Лебедева основана в 1995 году.

Основные направления — автоматизация дизайна, графический дизайн, создание сайтов, городской дизайн, архитектура, дизайн среды, системы навигации, промышленный дизайн, проектирование интерфейсов, создание шрифтов и паттернов, книгоиздание. Мы очень творческая и очень технократичная компания, совмещающая исследования и аналитику с крышесносными идеями.

Наша работа заключается в том, чтобы найти наиболее эффективный, удобный и красивый способ решения задачи. Наши проекты обсуждают. Мы существуем так, как нам нравится и как считаем правильным. Мы принципиально не работаем с теми, чьи убеждения противоречат нашим.

Сегодня в студии работают 300 человек, в портфолио 4615 проектов.

Рис. 3. Бэкграундер. <https://www.artlebedev.ru/studio/>

Факт-лист. Информационная справка о компании — не связное высказывание, как бэкграундер, а набор значимых фактов. Традиционно оформляется как маркированный список, в современном онлайн-формате возможны различные оригинальные способы подачи сведений в соответствии с корпоративным стилем (рис. 4).

Рис. 4. Факт-лист. <https://book.dodopizza.info/4/>

Биография. Т. Асланов выделяет следующие варианты этого жанра:

- 1) краткая биография — не более 500 знаков; в ней обычно приводятся имя, отчество, фамилия персоны, дата рождения, данные об образовании, этапах карьеры, семейном положении, хобби; преобладают именные конструкции;
- 2) расширенная биография — около 2 000 знаков, здесь больше подробностей, используются глагольные структуры;
- 3) литературная биография — биографический очерк, статья, описывающая жизненный путь и достижения руководителя с акцентом на его личностных и деловых качествах; применяются техники сторителлинга.

Все варианты биографии должны включать хорошие фотографии ньюсмейкера [1, с. 85–87].

Сейчас данные о деловой активности сотрудников компании размещаются на корпоративных сайтах (рис. 5).

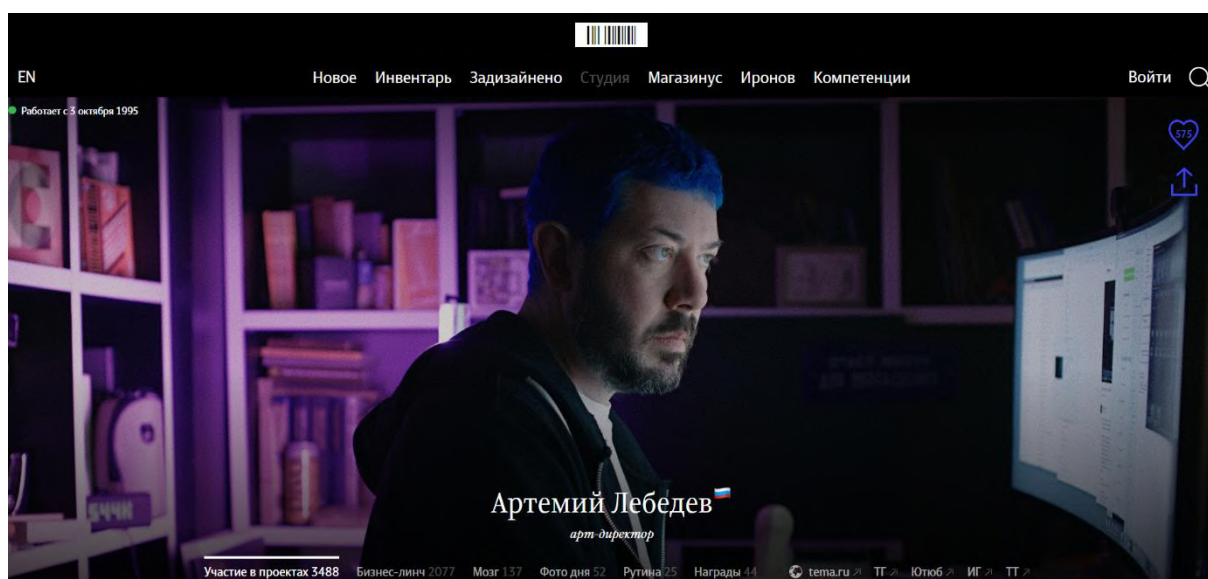

Рис. 5. Информация о персонах на корпоративных сайтах. <https://www.artlebedev.ru/tema/>

Биографические сведения о медийных персонах распространяются также через их аккаунты в социальных сетях: «Профиль пользователя предоставляет читателю достаточный объем официальной информации, связанной с фактами его жизненного пути, и в то же время даёт возможность познакомиться с его интересами, что вызывает доверие со стороны представителей целевой общественности. Профиль в социальной сети позволяет вести диалог с другими пользователями посредством личной переписки, интерактивных постов, различных публикаций, отражающих реакции на события, новости» [2, с. 51]. Социальные сети в бóльшей степени, чем корпоративный сайт, ориентированы на неформальное общение, поэтому здесь уместны отступления от строгого языкового и коммуникативного стандарта (см., например, <https://vk.com/temalebedev>).

Кейс-стори. PR-текст такого типа — реальная история из опыта компании о том, как её продукты помогли конкретному клиенту решить его конкретную проблему. Т. Асланов рекомендует разворачивать повествование по схеме «проблема — решение — результат»: «Проблему описываем максимально подробно, объясняем, какой ущерб наносила она компании, показываем мрачные перспективы ухудшения ситуации в случае затягивания процесса решения проблемы. В общем, пугаем, нагнетаем, напрягаем читателя... После этого плавно переходим к стадии решения. Так же максимально подробно мы должны описать, какое именно решение было предложено нашей компанией и почему. Разложить все выкладки, цифры, аргументы и обоснования... В следующей части кейса читатель должен увидеть, как сказочно изменилась жизнь клиента после внедрения нашего продукта, применения нашей услуги и т. д. Завершить эту часть надо словами

благодарности от счастливого клиента — попросите реально довольного клиента написать отзыв о том, как он оценивает вашу роль в решении его проблемы и как вы сделали его счастливым» [1, с. 88]. В реальной практике рассмотренная автором схема имеет разные воплощения. Так, в истории, размещённой на сайте российской сети ресторанов быстрого питания «Додо-пицца», есть выразительное описание природного катаклизма, предотвратить который невозможно, и при этом отмечается, что даже такая проблема не в силах помешать потреблению продукции компании. Копирайтер не включил в текст слова признательности от благодарного клиента, однако упомянул о наличии положительных отзывов в корпоративном аккаунте (рис. 6).

«Наша пицца стоит того, чтобы за нее умереть!» — воскликнула Джесси, и это была не просто фигура речи. По Оксфорду — университетскому городку в американском штате Миссисипи — как раз прошел ураган.

Когда объявили штормовое предупреждение, сотрудники пиццерии собрались в холодном цеху. Во всем здании это было самое защищенное помещение. На полке у прилавка команде пиццерии пришлось оставить коробку с только что приготовленной пиццей. Ее заказали на вынос на сайте, однако клиент за ней так и не пришел. Никто не думал, что он появится — по крайней мере до окончания шторма.

Жители Миссисипи привыкли относиться к предупреждениям синоптиков с должным почтением. Каждый год от разрушительных ураганов и торнадо в Америке погибали десятки людей, сотни получали увечья. Однако, когда буря прошла и управляющая пиццерии Джесси Перкинз вернулась за прилавок, оказалось, что пицца исчезла.

Пока все пережидали шторм, клиент все-таки добрался до пиццерии и сам забрал с полки заказ. Несмотря на спешку, он не забыл о приличиях и оставил на прилавке чаевые.

Не каждый житель Оксфорда готов был подвергать свою жизнь опасности ради кусочка этой пиццы. Но многим она нравилась не на шутку. Горожане, посетившие фейсбук-страницу «Додо Пиццы» — а именно так называлась эта пиццерия — оценили ее на 4,9 баллов из 5 возможных. Некоторые даже написали в отзывах, что тут делают лучшую пиццу, какую они только пробовали в жизни. Хотя в их городе готовили пиццу не меньше сотни кафе и ресторанов.

Рис. 6. Кейс-стори. <https://book.dodopizza.info/5/>

Открытое письмо. Это сообщение, адресованное известному человеку, группе лиц или широкой общественности, размещенное в публичке. Цель таких документов — донести до аудитории позицию организации и представляющего её спикера по какому-либо острому, полемическому вопросу. Структура открытого письма: 1) обращение к адресату; 2) тема с обозначением проблемы; 3) основная часть, включающая несколько абзацев. Документ публикуется в СМИ и обязательно размещается на сайте организации (например, см. Открытое письмо ректора НИУ ВШЭ Я. И. Кузьминова <https://www.hse.ru/our/news/482699687.html>).

Оценивая коммуникативный потенциал этого PR-жанра, Т. Асланов приходит к выводу о том, что публичная дискуссия — «очень интересный инструмент работы пиарщика и при правильных настройках может давать очень неплохой результат»[1, с. 101].

Байлайнер. Так называется статья, подписанная именем руководителя, где он высказывает личное мнение по важной для организации и целевой аудитории теме. Разновидности байлайнеров: 1) периодический — публикуется в корпоративных СМИ; 2) ситуационный — связан с определённым событием. В том и другом случае решаются такие PR-задачи, как повышение экспертного статуса спикера, улучшение корпоративного имиджа и репутации, укрепление доверительных отношений с аудиторией и т. п. В байлайнерах уместны яркие образы, так как это монолог, воздействующий прежде всего на эмоции целевой аудитории. Элементы традиционного байлайнера — обращение к адресату, фотография руководителя организации, его факсимиле. На современных корпоративных сайтах в качестве функциональных аналогов байлайнеров работают посты в блогах (рис. 7).

Онлайн-формат изменяет структуру текста: в нём должность и имя спикера указываются без воспроизведения его личной подписи.

< Слово Директора музея

Бабочки пандемии

НОВЫЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА «ЭРМИТАЖ»

Опубликовано 25 декабря 2020 г.

У всех народов есть обычай видеть в обрушивающихся на них катастрофах Божье наказание. На это можно реагировать по-разному: если акцентировать на Божьей воле — то надо смириться, а если на наказании, то надо подумать, за что, и попытаться исправиться. Это и есть достойный способ противостоять пандемии.

Новая ситуация, которая останется с нами надолго, показала, что музей, даже если в нем нет посетителей, все равно — музей, и он должен выполнять все свои функции: от хранения до показа. Последнее спасается сегодня новейшими технологиями. Всем стало ясно, что массовость посещения не является главным критерием успеха, что культура не может существовать без государственного финансирования как обязанности власти, а не акта доброй воли. Оказалось, что очередям можно противопоставить предварительную запись, регулярные сеансы, маршруты, заботу об индивидуальном посетителе. Возникает новый порядок, основанный именно на порядке, когда свобода одних не ограничивает свободу других. Музеи по всей стране стали образцами безопасной организации посещения, они выглядят лучше по сравнению с улицей. Посетители ходят поодиночке, внимательно смотрят на экспонаты. Нет толп, нет шума и гогота туристов, для которых музей — просто галочка в расписании. Широкий выход в онлайн позволил значительно расширить и углубить представление зрителей о музее: они увидели залы, в которые не успевают зайти во время обычного визита, побывали в реставрационных мастерских и хранилищах, встретились с десятками эрмитажных сотрудников, узнали, что такое музейная наука, музейная инженерия, научные и реставрационные дискуссии. Подготовленный посетитель получает от музея больше удовольствия, а потом, стимулированный музеем, снова расширяет свои знания. 68 миллионов посетителей в социальных сетях Эрмитажа — хороший показатель популярности.

Об авторе

Михаил Борисович Пиотровский

Генеральный директор Государственного Эрмитажа

Михаил Борисович Пиотровский возглавляет Государственный Эрмитаж с июля 1992 года.

[Подробнее >](#)

Мои действия

[ПОДЕЛИТЬСЯ](#)

[НРАВИТСЯ](#)

Еще записи в блоге

[ОБЗОР БЛОГА >](#)

Рис. 7. Фрагмент поста в блоге

<https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/director-blog/blog-post/26dec20/?lng=ru>

PR-интервью. Это популярный жанр, основанный на диалоге. Разновидности интервью: 1) событийное; 2) экспертное; 3) имиджевое (портретное). В первом случае обсуждаются подробности конкретного события (масштаб, подготовка, перспективы и т. д.), во втором — мнение спикера о ситуации в отрасли, в третьем раскрывается личность собеседника в привлекательном для целевой аудитории ракурсе. Смещение этих акцентов в одном тексте Т. Асланов считает ошибкой [1, с. 97]. Мультимедийность новых медиа позволяет выбрать оптимальную форму подачи материалы — видеOVERсью (рис. 8) или печатный вариант (рис. 9).

Михаил Осеевский. Национальная программа «Цифровая экономика»

ПРОГРАММЫ
Назад к программе

26 Февраля 2020 10 мин.

Рис. 8. ВидеOVERсью PR-интервью

<https://vmestefrf.tv/programs/205/mikhail-oseevsky-the-national-programme-digital-economy/>

05.08.2021 09:55

«Праздник остается праздником» (интервью главы ОАО «РЖД» газете «Гудок», 29.07.2021 г.)

Накануне Дня железнодорожника генеральный директор – председатель правления ОАО «РЖД» Олег Белозёров рассказал «Гудку», какие события минувшего года он считает наиболее важными для работников компании, над какими задачами надо поработать в ближайшее время и почему вакцинация от COVID-19 – обязанность каждого работника «Российских железных дорог».

– Олег Валентинович, мы встречались с вами в 2020 году, который перевернул традиционные представления о рабочих процессах, планировании на перспективу и даже ценностях. Текущий год во многом повторил прошлогодние тренды: мы продолжаем жить в новой «ковидной» реальности. На что опираться? Что в текущем году вы считаете самым актуальным для компании и её сотрудников?

– Повестка не изменилась. Для нас по-прежнему главное – противостояние пандемии и эффективная работа РЖД в этих условиях. На прошедшей в апреле встрече президент России Владимир Владимирович Путин отметил, что «в целом, несмотря на сложности прошлого года, компания справилась со стоящими перед ней задачами, с проблемами, прошла через эти проблемы, прошла очень достойно». Работу компании высоко оценило государство в лице совета директоров, поставив нам оценку «отлично» по итогам 2020 года. Мы успешно выдержали экзамен в прошлом году и обязательно должны справиться в текущем, у нас все для этого есть.

Рис. 9. Печатная версия PR-интервью

<https://company.rzd.ru/ru/9397/page/104069?id=265271>

Рассмотренные типы электронных текстов активно используются при продвижении корпораций и персон в современном информационном поле. В новых медиа представлены и другие PR-жанры, пополняется их набор, изменяются характеристики. Владение этим инструментом, понимание его возможностей, развитие навыков применения — необходимая профессиональная компетенция в области интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Литература

1. Асланов, Т. PR-тексты. Как зацепить читателя. СПб. : Питер, 2017. 156 с.
2. Балахонская, Л. В. PR-текст: структура, содержание, оформление. СПб. : Свое издательство, 2015. 198 с.
3. Ильяхов, М. Контекст [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BtBvHBrzYXo&list=PLFc6c8XU7GL2KTRGLAWs4NjqxFNdztCMX&index=13>
4. Ильяхов, М., Сарычева Л. Пиши, сокращай: Как создавать сильный текст. М. : АП, 2017. 440 с.
5. Ильяхов, М. Полезное действие текста [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J3UsiKbH2aQ&list=PLFc6c8XU7GL2KTRGLAWs4NjqxFNdztCMX&index=12>
6. Ильяхов, М. Текст о компании — простой способ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=x6I4vQoNEjo>
7. Ильяхов, М. Три фишки в тексте о компании [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zaTBTy4v4Lo>
8. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 254 с.

~

УДК 81`373.612

Тленшиева Римма Николаевна
Журналист, литературный редактор;
Российская Федерация, Москва,
e-mail: tlenshi@yandex.ru

О ЯЗЫКОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: К ЛАТИНСКИМ ИСТОКАМ СЛАВЯНСКИХ СЛОВ

Автор, ссылаясь на словарные статьи, выявляет латинские корни в этнонимах казаки, обры, авары, дулебы и в производных от них лексемах, в топонимах Тула и Воронеж, аргументирует латинское происхождение слов «берёза», «белый», «сказать», «говорить», «ворчать», «проворный», «навар» и др.

Ключевые слова: этимология слов, этимон, топоним, гидроним, латинско-русский словарь, лексема, чередование, семантика слов.

Rimma N. Tlenshieva
Journalist, editor;
Russian Federation, Moscow

ABOUT LANGUAGE INTERACTION: TO THE LATIN SOURCES OF SLAVIC WORDS

Abstract. The author, referring to the dictionary entries, reveals Latin roots in the ethnonyms Cossacks, Obry, Avars, Dulebs and lexemes derived from them, in the toponyms Tula and Voronezh, argues the Latin origin of the words “birch”, “white”, “сказать”, “говорить”, “ворчать”, “проворный”, “навар”, etc.

Key words: etymology of words, etymone, toponym, hydronym, latin-russian dictionary, lexeme, interchange, semantics of words.

Для цитирования:

Тленшиева, Р. Н. О языковом взаимодействии: к латинским истокам славянских слов // Гуманитарная парадигма. 2021. № 4 (19). С. 68–78.

О далёком прошлом может рассказать само слово, если разгадать, какой смысл оно имело тысячелетия назад. Восстановление первоначального

смысла слов даёт возможность ярче представить образ жизни древних народов, векторы их расселения и внутренний мир.

О происхождении этнонимов казаки, кайсаки, кацапы, хазары и др.

Этимология слова «казак» признана одной из самых труднообъяснимых. Исследования на тюркских, арабских, кавказских и монгольском языках не дали убедительного ответа на вопрос, откуда родом загадочный этноним. В его происхождении не был уверен и В. И. Даль: «**Казáк** <...> (вероятно, от *среднеазиатс.* “казмáкъ” скитаться, бродить, как *гайдук*, *гайдамака*, от *гайда*)». «**Гайда** <...> **Гайдать** юж. кур. бегать, шататься, лытаться» [1, Т. 2, с. 72–73; 1, Т. 1, с. 340–341]. Удалось лишь прийти к общему мнению, что смысл наименования «казак» означает «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга».

Предпримем попытку прояснить происхождение этнонима «казак» и других однокоренных с ним слов из латинского языка.

КАЗАКИ. Лат. *casa, ae, f* (на латыни произносится *káza*, в двусложных латинских словах ударение падает на первый слог) 1) хижина; 2) домик в саду, беседка; 3) *воен.* шалаш, походная палатка [5, с. 155]. *Casa* [káza]>káзак>казáк. Исходя из значения 3, казак — это воин в походе, кочевой воин. В Галицко-Волынской летописи (XIII в.) латинским словом *casa* назван казак Данила: «Каза Данило соседати воем своим».

Казарма, где лат. *arma* 10) солдаты, войско [5, с. 92].

Каземат, где лат. *matta, ae, f* циновка, рогожа [4, с. 318]; гол., англ. *mat* мягкая подстилка, предохраняющая спортсменов от ушибов. Казематом называли казачье походное укрытие, укреплённое циновками и матами (мешками) с землёю или песком.

Казан. *Casa* [káza]>káзан>казáн — котёл для приготовления пищи на костре в походных условиях: казачий котёл.

Казанский (казанская) сирота — осиротевший ребёнок казака, в дальнейшем значение изменилось: «нищий, человек, который прикидывается бедняком, плут, притворный, бедняк» [1, Т. 2, с. 73. *Казан*].

Река Казанка — река Казачья.

Казакин — старинная мужская одежда в виде короткого кафтана со стоячим воротником и обмундирование донских частей кавалерии Рабоче-крестьянской Красной армии.

Казань была основана как пограничная крепость государства Волжская Булгария (Волжская Болгария) в 1005 г. В 1438 г. завоёвана монголо-татарами. *Casa* [káza]>Káзань>Казáнь — походная палатка, военный лагерь — город Казачий.

Кайсаки. Casa [каса по написанию]>кайсак (без «й» произошло бы озвончение «с» в «з»). Кайсак — кочевой воин, то же самое, что казак и казах. «В царской России нынешних казахов, чтобы не путать с русскими казаками, называли киргизами или киргиз-кайсаками» [2]. В итальянском языке сохранились слова «каса» (по написанию casa) и «каза» (по произношению): Каса деи Мерканти (Дом купцов), Каза ди Джульетта (дом Джульетты) в Вероне; в испанском — гасиенда (каса>касиенда>гасиенда).

Казахстан. Напомним, что лат. *casa* [káza] означает *воен. шалаш, походная палатка*. Понятию универсальной походной палатки соответствует разборная юрта. Κάза>káзак>казák>казак — воин-кочевник. Стан, станица от лат. *statio, onis f* стояние, местопребывание, жилище, пристанище; якорная стоянка, пристань; стража [4, с. 564]. Английское state — штат (чередование с/ш). Казахстан буквально переводится с латыни как Казачий стан.

Касоги, черкасы, хакасы, кашубы, кацапы, абхазы. Латинский корень cas- (от casa, без озвончения «с» в «з») содержится в этнонимах касоги, черкасы (чёрные казаки, с перегласовкой а/е черкесы) и хакасы; кашубы (каса>касубы>кашубы); кацапы (каса>касапы¹>кацапы, синоним слова «казаки»); абказы>абк^хазы>абхазы — казаки. М. Фасмер: «**Черкасы** город в [бывш.] Киевск. губ.; Черка́сс, Новочерка́сс, Черка́ски — местн. н. в [бывш.] Харьк. губ. Несомненно, от названия черкесов. Вовсе не обязательно происходит от черкесских поселений, но может быть названо по русским, проникшим на Кавказ» [10].

Хазары. Casa [káza]>káзар>к^хазár>хазár. Хазары — синоним слова казаки. В арабском, персидском, турецком, азербайджанском, крымско-татарском, туркменском языках Каспийское море называется Хазарским, т. е. Казачьим.

Каспии — древнекавказские племена кочевников-скотоводов в Вост. Азербайджане (1-е тыс. до н. э.). Casa [káza]>казпии>каспии — казаки (оглушение звука [з]).

¹ Написание «касап» отмечал академик Д. И. Яворницкий (1827—1885): «Работая в Архиве Министерства юстиции в Москве, я нашёл несколько украинских документов середины XVIII ст., в которых слово “кацап” писалось не с буквой “ц”, а с буквой “с”, то есть не “кацап”, а “касап”. Обратившись потом от архивных документов к языку туземцев Средней Азии, я узнал, что у сартов (то есть узбеков) есть слово “кассаб”, “касап”, что в буквальном смысле значит “мясник” и в переносном “гицель” (живодёр). Отсюда я и делаю вывод, что нынешнее слово “кацап” вовсе не русского, а восточного, правдоподобно — татарского происхождения, как слова: деньга (по-татарски — “тенька”), хомут (“хамут”), сундук (“сандук”) и другие, которые, однако, считаются у нас за давностью чисто московскими. Идя дальше, я допускаю, что изначально кличкой “касап” обзывали москаль татар в смысле “наильников”, “гнобителей”, “гицелей”. От москалей слово “кацап” могло быть занесённым к украинцам в эпоху московской боярщины на Украине, в XVII ст., после гетмана Богдана Хмельницкого» [3].

Каспийское море. Casa [káза]>Казпийское>Каспийское — Казачье море. Древнерусское название Каспийского моря — Хвалиское или Хвалынское. Лат. **qualitas** качество [5, с. 715]; **qualis** какой, какого качества [7, с. 273. *Квалиметрия*]. Qualis [квалис]>Квалиское>Хвалиское/Хвалынское море, море Качественное/Хорошее. Однокоренные слова с лат. **qualitas**, **qualis** — квалитет, квалиметрия, квалификация, хвала (**qualis**>квала>хвала). Хвалёный — высоко оценённый за какие-нибудь качества.

Кавказ (лат. **Caucasus**), **Казбек**. Самое раннее упоминание о Кавказе — у Эсхила в трагедии «Прикованный Прометей» (ок. 467 г. до н. э.). Лат. **cautes**, **is f** утес, скала [5, с. 158]. **Cautes** [кавтэс], **casa** [káза]>Кавказ — Казачьи горы. Казбек — гора в Кавказском горном массиве, где, по Эсхилу, был прикован Прометей. Имя Казбек, где «бек» — тюркский дворянский титул, господин, означает, исходя из наших исследований, уважительное казак. Титул бек (бей) давали султанам, чаще всего им становился глава рода.

От одного латинского слова **casa** выявлено происхождение 11 этнонимов (казаки, кайсаки, казахи, кацапы, хазары, касоги, черкасы, хакасы, кашубы, абхазы, каспии) и 11 однокоренных слов: казарма, каземат, казакин, казан, Казань, р. Казанка, <сирота> казанская, Каспийское море, Казахстан, Кавказ, Казбек. Вышеперечисленные 22 наименования происходят из одного этимологического гнезда (латинский этимон **casa**) и имеют общий признак образа жизни казаков разных национальностей — *воен.* шалаш, походная палатка. Народное описание образа жизни казака — свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга — совпало с древним лексическим значением слова «казак», которое эволюционировало на протяжении столетий, вбирая в себя всё больше значений не только в военной, но и в бытовой сфере. Так, однокоренные с лат. **casa** [káза] — казна, казнь, указ, приказ, наказ, наказать, сказ, сказка, сказать, скажённый и т. п. (см. также М. Фасмер. *Казать* [10]; В. И. Даль. *Казать* [1, Т. 2, с. 73–74]).

Обры, авары, дулебы и г. Тула

Сведения об обрах и дулебах дошли до нашего времени во вводной части «Повести временных лет» (ПВЛ): «В те времена существовали и обры, воевали они против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина, — и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного

обрина. И есть поговорка на Руси и донныне: „Погибли, как обры“, — их же нет ни племени, ни потомства»[6]. (*Отметим по тексту: мн. ч. — обры, ед. ч. — обрин*).

Сопоставим рассказ летописца с тем, что сообщает об обрах М. Фасмер: «**Обрин** мн. обре, только др.-русс. обьринъ, обьринъ „авар“ <...> сербохорв. местн. н. Обре, Обров, Обровац, словен. óbæg „великан“, чеш. obr — то же, слвц. oboг, др.-польск. obrzum, польск. olbrzum „исполин, великан“ <...> лат. avares, avari» [10]. Таким образом, обры (обре, обри) могли быть жителями городов Обров (Великий) в Словении, Обровац в Хорватии, Обровец в Польше, дер. Оброво в Республике Беларусь, в Польше есть р. Ёбра протяжённостью 164 км. Жителей селений по берегам реки тоже могли называть обрами, ср. Буг>бужане, Волга>волжане, Неман>немцы (синкопа -ан, выпадение слога внутри слова) (не от слова «немые»). География расселения обров настолько широка, что они не могли исчезнуть бесследно, не оставив, по словам летописца, «ни племени, ни потомства». Ответ на эту загадку попытаемся найти в латинско-русском словаре.

Обры. Лат. *obruo, rui, rūtum, ěre* 1) заваливать массой чего-либо (землёй, одеждой), зарывать, засыпать; 3) пускать ко дну (о кораблях); 5) подавлять, уничтожать [5, с. 589]. *Obruo*>обрекать, уничтожать. «Погибли, как обры» (др.-рус. «погибоша аки обры») можно истолковать «погибли, как обречённые» (как заваленные землёй, как пущенные камнем на дно и т. п.) [9]. Из произведённого этимологического исследования на латыни следует, что лат. *obruo* уничтожать созвучно с чеш., словац. *obr, oboг* великан (в ПВЛ «велики телом»). Автор ПВЛ смешал факты (обры действительно существовали и здравствуют до сих пор под другими этническими названиями) и фольклорные сказания о междоусобных распрях с неминуемой небесной карой («и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина»). Установлено, что притча «Погибоша аки обры» (обречённые на гибель) была известна в Византии, где греческий и государственный латинский языки имели равное хождение, за два столетия до описываемых в ПВЛ событий, но её смысл летописцу, если он не знал латыни, мог быть неизвестен.

В процитированной выше словарной статье «Обрин» М. Фасмер отождествляет обров и авар. Этот вывод мы попытаемся оспорить — авары, по нашему мнению, собирательный этноним.

Авары, аварцы. Лат. *avārus, a, um* 1) жадный, алчный [5, с. 116]. К слову «алчность» насчитывается 56 синонимов, среди которых корыстолюбие, сребролюбие, торгашество. Ср. лат. *cupido, cupio* — страстное желание, корыстолюбие, сребролюбие, от которых происходит рус. купить, купец [Там

же, с. 237; 9]. *Avarus* и *cupido* — синонимы. *Avarus* > авары — разноязычные торговцы, купцы. Аварами-торговцами могли называть жителей населённых пунктов во многих странах. Например, Аварский каганат в 562–823 гг. занимал всю Восточную Европу и часть земель Киевской Руси, который в свете произведённых нами лингвистических исследований был не чем иным, как европейским торговым союзом, существующим и сейчас в расширенном составе и под другим названием — Европейский союз (ЕС). Название княжества Аварэнмарк в Австрии (VIII в.) происходит от лат. *avarus* и нем. *Markt* рынок, торговля, ярмарка и означало Торговое. В названии Земли Бавария (ФРГ) сохранился корень авар- (протетический звук [б]), ср. также г. Наварра в Испании, Коста-Наварино в Греции, рус. навар, навариться (как оказалось, латинского происхождения) в значении прибыль, нажива, барыш.

Нынешние аварцы — коренной народ Кавказа, никогда не имевший кровного и языкового родства с прочими разноязычными купцами-аварами. Собираемый этноним авары закрепился за аварцами по роду их занятия торговлей. Из византийских источников известно, что через Кавказ проходили два ответвления Великого Шёлкового пути к черноморскому и каспийскому побережью.

Дулебы или **дудлебы**. Обратим внимание на сообщение автора ПВЛ — «обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским <...> Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная» [6]. Современные исследователи дулебами или дудлебами считают славянское племя, обитавшее на территории Западной Волыни, Паннонии (часть совр. Венгрии, Югославии и Австрии) и Южной Чехии (VI–X вв.). Существует немало гипотез, признанных неудовлетворительными, о происхождении этнонима дулебы, в том числе от *Duliba* — долина в Хорватии и гора в Боснии, *Dufdjlíeb* — местность в Австрии. Рассмотрим ещё одну версию. Предположим, что произошло озвончение звука [т] в [д]: тутлебы > дудлебы > дулебы > тулебы. Тулебами/дулебами в древности могли называть жителей Тулы по словообразовательной модели Осоребы (деревня в Волынской области Украины), Каребы, Вертебы (посёлки в Могилёвской области Беларуси и в Калужской области).

Смысл названия Тулы объяснил В. И. Даль: «**Ту́лить что, туля́ть, тули́ть** юж. зап. крыть, по(за, у)крывать, слони́ть, заставлять, выставять для закрышки, скрывать, прятать. <...> || **Ту́лка** ж. втулка; гвоздь, пробка, затычка, чем затыкают что, *нпр.* боченок; трубка, вставляемая во что, *нпр.* в ступицу колесную <...> || **Тула́** ж. сар. скрытое, недоступное место, затулье, притулье, для защиты, приюта, или для заточенья. С этим может быть в

связи название города. **Ту́ло, ту́лово, ту́ловище** ср. тело, торс, туша, стяг; тело без головы, без рук и без ног, кроющее (тулящее) в себе полости: грудную, брюшную и тазовую, со всеми черевами их. <...> || Ту́ло и **тул** м. колчан, закрываемая от непогоды трубка, в коей хранятся стрелы. <...> || **Туля́**, **тулея́**, **тулейка**, часть шапки и шляпы, покрывающая голову сверху, кроме полей, околыша, ушей, козырька и пр. иногда подкладка под верхнюю тулью, род *втулки* в шляпу» [1, Т. 4, с. 441–442].

В статье В. И. Даля «Притулять» дано похожее толкование: «приют, пристань, пристанище, убежище, кров и защита, приклон, скривище, спокойище» [Там же, Т. 3, с. 454]. Все производные от *тулить* и *притулять* слова имеют значение защиты от чего-либо. Поищем в латинском языке этимон г. Тулы со значениями защиты, укрытия, убежища.

Тула. Лат. *tutēla, ae f* 1) попечение, охрана, защита; 2) защитник, покровитель; 4) опека; *tuto adv.* безопасно, в безопасности, вне опасности; *I tutor, ātus sum, āri* 1) обезопасить внешними средствами, охранять, защищать [5, с. 880]. Фонетические преобразования: *tutēla* [тутэла]>тутлебы>чеш. дудлебы>дулебы; *tutēla*>тутлебы>тулебы>тул>туло>тулово>тулея>тулуп>тулка, втулка>ту́лить (укрывать)>Тула́/Ту́ла, в переводе с латинского поселение Защита (скривище, спокойище). Во второй половине XIV в. был известен политический и общественный деятель Московского княжества Захарий Тютчев (Тутчев). К дворянскому роду Тютчевых принадлежал великий русский поэт Ф. И. Тютчев (1803–1873). *Tutēla*>Тутчев>Тютчев — Защитников. Фамилия Тутаев упоминается в реестре переписи Древней Руси в эпоху Ивана Грозного. Латинского происхождения и русская фамилия Тулаев; в Тарском округе Тобольской губернии служил земский исправник Тулебин; в старых хрониках (XV–XVI вв.) встречаются фамилии Дулебин и Дулебинец. В наше время жителей Тулы называют туляками (туляк, тулячка). В средние века их называли бы тулебами или дулебами.

Населённых пунктов, в названиях которых содержится корень тул-, несколько в разных странах: города Туловице (Польша), Тульн-на-Дунае (Австрия), Тулуза и Тулон (Франция), Тулун (Иркутская обл.), Тулча (Румыния), Тульчин (Украина).

Берёза белая

Со словом «берёза» в народном сознании ассоциируются слова «белая», «красивая», «стройная», «кудрявая» и ряд других комплиментарных определений. В русском языке слова «белый» и «красный» (краса, красивый, красота), латинское происхождение которых мы попытаемся выяснить, говорили поначалу о превосходном качестве, искусной работе, красоте

изделия или явления: беловодье, белая кухарка, баня по-белому, белoshвейка, белый (хороший, добротный) город. «Народ называет белым: веру свою, царя и отечество. <...> Белоторговый, *стар.* краснорядец, торгующий панским товаром» (В. И. Даль. *Белый*). Красна девица, красно лето, красну речь красно и слушать, краснобай, красный угол, красный товар, Красная (добротная) площадь, на миру и смерть красна. В Древней Руси для обозначения цвета крови использовались слова червлёный, червонный от «червь», так как краску такого цвета делали из особых червей — польской кошенили. Примерно в XVI в. высшая степень качества и позитивная оценка были перенесены на самые популярные цвета — красный и белый [9].

Лат. **crassē** *adv.* 1) толсто, густо; 2) грубо, просто; **I crassus, a, um** 1) толстый, густой; 2) толстый, тучный; 3) плотный, здоровый [5, с. 230]. Crassē [крассэ, ударение падает на долгий звук [ē]]>краса́, красный, красота, красивый. Привлекательную девицу называли красной независимо от наличия или отсутствия в её наряде красного цвета. Древнерусские эталоны женской красоты: крепкое телосложение, высокая грудь, крутые бедра, румяное лицо, длинная коса. Бледная кожа и хрупкое телосложение воспринимались как симптомы болезни или физической недоразвитости. В. И. Даль: «**Краса́** <...> || ...Кра́сень м. красавец, *арх.* здоровяк, кровь с молоком. || Красё́ха ж. *пск.* дородная, здоровая женщина, красуха» [1, Т. 2, с. 185–186; 9].

Лат. **bellus, a, um** милый, прелестный, великолепный, приятный [5, с. 123]. Имя Белла/Бэла латинского происхождения означает Прекрасная. В. И. Даль: «**Берёза** <...> || **Берё́зник, березня́к** м. **березу́га** ж. *кстр.* чистый берёзовый лес, роща» [1, Т. 1, с. 83]. Фонетические преобразования: bellus>белый, белесый>белёсник>берёзник>берёза; bellus>белёса>берёза — белая, прелестная/красивая; bellus>белёса>белёста/белестá>берестá — белая (лат. корень *bel-*, архаичное чередование л/р). Ср. чередование л/р в *устар.* вельблюд/верблюд и пролубь/прорубь. *И в темноте как призрак безобразный / Стоит вельблюд, вкушая отдых праздный* (А. С. Пушкин «Кто видел край, где роскошью природы...»). *Затрещал лёд предо мною и расступился <...> Оставил мне Бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился* («Житие протопопа Аввакума», 1672). *Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в пролубь* (А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790). Примеры перехода «р» в «л» в *просторечии*: коидор, дилектор, секлетарь.

Таким образом, народные представления о красоте берёзы белой совпали со значениями латинских слов *bellus* и *crasse* и производных от них русских слов.

Воронеж, скворец и сковорода

В словаре одного из авторитетнейших в научной среде этимолога М. Фасмера не содержится убедительного объяснения смысла топонима Воронеж: «**Воронеж** река и город, *ср.* Воронег — река, впадающая в Ладожское озеро между Пашей и Сясю; <...> По-видимому, от вороной, праслав. *vornъ» [10]. Трудно согласиться с таким толкованием, так как «вороной» означает чёрный цвет, которого не имеют ни река, ни архитектура города.

По-видимому, объяснение названию города следует искать в его истории. Воронеж считается колыбелью русского военно-морского флота. В 1700 г. на воронежской верфи был спущен на воду первый военный корабль, построенный по проекту Петра I. Речная система через реки Воронеж, Дон и Волгу позволяла воронежскому флоту выходить в Каспийское, Азовское и Чёрное моря, обеспечивая военные и торговые связи Руси внутри страны и за рубежом. Городу на оживлённом торговом пути без таможенного досмотра было не обойтись.

В. И. Даль: «**Ворота** <...> отверстие, проём в стене или ограде для прохода и проезда; широкие двери для езды; || стрежень, глубь, коренная, фарватер, проход в реках для судов» [1, Т. 1, с. 245].

М. Фасмер: «**Вор I** „грабитель, мошенник“, засвидетельствовано в XVI в. <...> **II** вора ж. „забор, ограда“ <...> арханг., др.-русс. воръ м., вора ж. — то же» [10].

Вора, ворота («проход в реках для судов») > Воронеж — заграждающие речные ворота. *Ср.* названия российских городов с архаичной словообразовательной морфемой -еж: Сенеж, Себеж, Радонеж, Фатеж, Пучеж, — а также наименование р. Трубеж, впадающей в Плещеево озеро (на территориях России и Украины насчитывается более пяти рек Трубеж).

Как звучал бы Воронеж в переложении названия на современный русский язык? В буквальной аналогии Воронеж — своего рода Воротнеж, который, в зависимости от интересов государства, выполнял функцию либо заграждающих, либо открытых торговых (с таможенными сборами) ворот. Напрашивается каламбур: отворить... или затворить ворота от вора затвором.

Студент Санкт-Петербургской духовной академии Пётр Шайтанов в журнале «Живая старина» (№ 3–4 за 1895 г.) опубликовал статью «Областные слова и выражения», в которой находим интересующее нас слово: «Завор — часть огорода, пересекающая дорогу. Он устраивается из жердей в горизонтальном положении, которые легко могут быть разобраны. В некоторых местностях (Давыдовской волости) завором называют отвод

(ворота в огород)». В. И. Даль: «**Заво́ра** ж. запор, засов, поперечная жердь для заправки ворот, калитки» [1, Т. 1, с. 562].

Древний корень (этимон) топонима и гидронима Воронеж обнаруживается в латыни. **Verto** (апр. **vorto**), **verti** (**vorti**), **versum** (**vorsum**), **ěre** 1) поворачивать в другую, противоположную сторону, оборачивать, обращать, направлять; 3) деньги, доходы обращать куда-либо; 11) поворачивать в разные стороны, вертеть; 12) вращаться, сновать [5, с. 904; 9]. Vorto>во́ра>Воронеж (ограждённый, заграждающий); vorto>во́ра>ворота>Воротнеж>Воронеж (речной порт, регулирующий «проход в реках для судов» с таможенным досмотром («деньги, доходы обращать куда-либо»)).

Однокоренное с vorto, vorti слово «проворный» сохранило в русском языке значение «вращаться, сновать» в поговорке «Хочешь жить — умей вертеться». «**Прово́рный** (воръ), скорый, быстрый, бойкий, прыткий, юж. мото́рный; расторопный, поворотливый, живой, всюду поспевающий. <...> || прово́рный мужик, перм.-шдр. добычливый, мочный, богатый, зажиточный. <...> || **Прово́рничать**, укорно: промышлять проворя или плутуя. **Прово́р** м. **прово́ра** об. ловкий, бойкий, расторопный человек; иногда плут» [1, Т. 3, с. 474]. Латынь объясняет, почему слово «проворничать» во времена В. И. Даля употреблялось «укорно». Лат. **pro** в одном из значений — вместо, взамен, наподобие [5, с. 691]. Pro, vorto>провора, проворничать. Человека прямо не называли вором, а укоряя давали понять: ты ведёшь себя как вор, плутуешь наподобие вора.

Слово «вор» в значении «грабитель, мошенник» — однокоренное с др.-рус. воръ, во́ра «забор, ограда» (проникающий через во́ру [забор]). Vorto>во́ра>вор; ср. мошна>мошенник, карман>карманник, форточка>форточник [9]. Вороны и воробьи (корень вор-) получили свои названия за вороватость: только отвернись, как стащат что-нибудь с поля, огорода или двора.

Латинский корень vor- имеют звукоподражательные слова «ворковать», «ворчать», «скворчать», «скворец», «сковорода» (а также «говорить» от лат. vorto>co-, vorto>covor [ковор]>говор с чередованием к/г). Лат. приставка со- [ко-] идентична рус. приставкам с-, со-, означающим совместность действий, ср. лат. coactor собирающий деньги, сборщик [5, с. 183]. Вращающиеся детали издают порой разнообразные звуки широкого мелодического спектра — от скрипа и стука до звуков, похожих на трели, ворчание, воркование, отдалённый говор, взвизги, свист, скрежет (вращающиеся втулки колёс телеги, конные ворота в шахтах, входные ворота и т. п.). По мнению орнитологов, собственным голосом скворцов является протяжный свист, но они могут имитировать щебет других птиц (сойки, дрозда, иволги), голоса

животных (собаки, кошки, лягушек), звуки различного характера (стук печатной машинки, скрип дверей, свист кнута). *Варилась курица, распространяя по квартирке запах мяса с ноткой лаврового листа, и что-то не менее аппетитное весело скворчало на сковородке* (А. Дельмаре «Шальная любовь», 2019). *Мы сидим на брёвнах и слушаем, как трещат и скворчат скворцы, тукают будто в домике* (И. С. Шмелёв «Лето Господне», 1927–1948).

Фонетические преобразования: скворец>скворчать>скворда>сковорода (скворчащая); скворчать>шкворчать/шкварчать>шкварки.

Слова с разными значениями (вор, ворона, воробей, ворота, проворный, скворец, скворчать, ворчать, ворковать, говорить, сковорода, шкварчать, шкварки) происходят от латинского этимона *vorto* и являются однокоренными с топонимом Воронеж.

В заключение отметим: смысл, тысячи лет назад заложенный нашими предками в слова, дополняет историческую картину мира наряду с артефактами, обнаруженными при археологических раскопках.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : Гос. изд. ин. и нац. словарей, 1955.
2. Казахи (Электронный ресурс). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D0%B8>
3. Кацап — это... Что такое кацап? [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/8144>
4. Латино-русский словарь / Сост. В. И. Фомицкий. Ростов-н/Д : Феникс, 2001. 704 с.
5. Латинско-русский словарь / Авт.-сост. К. А. Тананушко. Минск : Харвест, 2008. 1040 с.
6. Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=17281&p=11>
7. Современный словарь иностранных слов / Ред. филолог. сл. рус. яз.; ред. Е. А. Гришина, вед. ред. Л. Н. Комарова. М. : Русский язык, 1992. 740 с.
8. Тленшиева, Р. Н. Незнакомый «латинско-русский»: к проблеме языкового взаимодействия [Электронный ресурс] // Тленшиева, Р. Н. Русь латинская: новое в топо- и этнонимике. Алматы : СаГа, 2011. 58 с. URL: <http://alterno.vadiki.com/index.htm>
9. Тленшиева, Р. Н. Друг мой закадычный, посидим за кадочкой вина... // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 6–34.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.lexicography.online/> ~

Общество. Образование. Закон

УДК 37.011

Хоменко Елена Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Русский язык и русская литература»,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: nikita1390@ya.ru

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ОБУЧЕНИЕ: К ВОПРОСУ КОНСТИТУТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОНЯТИЙ «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ», «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ УМЕНИЯ»

В статье систематизированы функционирующие в педагогической науке понятия «исследовательская деятельность», «исследовательские умения», произведен отбор их ключевых признаков, интегрированных автором статьи в уточнённую дефиницию. Представлены различные классификации исследовательских умений. Обоснована важность формирования у обучающихся умений и навыков исследовательского поиска.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, исследовательские умения, обучающиеся основной школы.

Elena V. Khomenko

PhD in Philology science, Associated Professor of Department
of Russian language and Russian literature,
Humanitarian and Pedagogical Institute,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

RESEARCH TRAINING: ON THE QUESTION OF CONSTITUTIVE FEATURES OF THE CONCEPTS “RESEARCH ACTIVITY”, “RESEARCH SKILLS”

Abstract. *The article systematizes the concepts of “research activity” and “research skills” functioning in pedagogical science, selects their key features integrated by the author of the article into a refined definition. Various classifications of research skills are presented. The importance of the formation of students’ skills and research search skills is justified.*

Key words: *research activity, research skills, students of the basic school.*

Для цитирования:

Хоменко, Е. В. Исследовательское обучение: к вопросу конститутивных признаков понятий «исследовательская деятельность», «исследовательские умения» // Гуманитарная парадигма. 2021. № 3 (18). С. 79—87.

Формирование у школьников умений и навыков исследовательского поиска — важнейшая стратегическая задача российского образования двадцать первого века. Объясняется это тем, что на современном этапе развития существен запрос в людях, не только овладевающих набором предметных знаний, умений и навыков, но и умеющих самостоятельно ставить задачи в различных сферах человеческой деятельности и выбирать оптимальные и нестандартные пути их решения. В связи с востребованностью исследовательского обучения в наше время необходимо уточнить, скорректировать его основополагающие принципы.

Теория и практика использования исследовательских методов в процессе обучения имеют богатую историю и давние традиции. Ещё великий греческий мыслитель Сократ, организуя знаменитые эвристические беседы, исходил из того, что о любом предмете (явлении) существуют разные мнения. Чтобы дойти до истины, учащемуся надо уметь задавать себе вопросы и отвечать на них с помощью убедительных и обоснованных доказательств и аргументов. Немецкий педагог XIX века А. Дистервег был убеждён в том, что «настоящий учитель показывает своему ученику не готовое здание, в которое вложены тысячелетия труда, а побуждает его укладывать кирпичи, возводить здание вместе с ним, учит его строительству» [4, с. 38]. Такой метод обучения, при котором учитель не даёт готовых знаний, а посредством вопросов побуждает учащихся «к нахождению новых познаний и порождению новых мыслей», учёный считал наилучшим методом обучения, хотя и самым трудным и довольно редким в педагогической практике [4, с. 37].

Мысль о важности внедрения элементов исследовательского обучения в школьную практику обосновывается и в трудах советских педагогов XX века. Так, В. В. Давыдов указывает на необходимость переориентировать всю

систему обучения таким образом, чтобы содержание учебного предмета школьники усваивали «путём самостоятельной учебной деятельности» [3, с. 51]. А многолетний педагогический опыт позволил М. Н. Скаткину сделать вывод о том, что умственное развитие школьников достигает такого уровня, что они в состоянии осуществить все этапы поисковой деятельности от начала до конца в их логической последовательности: осознать поставленную проблему, наметить план поиска, сформулировать гипотезу, обдумать способ её проверки, провести наблюдение, опыты, зафиксировать факты, сравнить, классифицировать, обобщить материал, сделать выводы и обосновать их [17, с. 49].

Повышенный интерес к исследовательскому обучению наблюдается и в XXI веке (А. В. Леонтович [6], А. С. Обухов [8], А. Н. Поддъяков [9], А. И. Савенков [12], Н. А. Семёнова [15], П. В. Середенко [16] и др.). Рассмотрим подробнее сущность понятий «исследовательская деятельность», «исследовательские умения», предлагаемых в современной науке. Прежде чем мы охарактеризуем первую дефиницию, отметим, что в научно-методической литературе для её обозначения применительно к обучающимся используется другое наименование — *учебно-исследовательская деятельность*, а умения в соответствии с этим называются *учебно-исследовательскими*. Это связано с тем, что деятельность школьника отличается от деятельности учёного. Принципиальное отличие состоит в том, что цель учебного познания — вооружить школьников алгоритмом ведения исследования, в ходе которого они усваивают субъективно новые знания, т. е. знания, открытые ранее, но неизвестные учащимся. Цель же научного познания — открыть что-то новое, ранее неизвестное, т. е. получить объективно новые научные знания. В настоящей работе терминологические сочетания «исследовательская деятельность» и «учебно-исследовательская деятельность» используем как синонимы.

Итак, относительно сущности понятия «исследовательская деятельность» среди учёных нет единой точки зрения. Однако нельзя не отметить, что встречающиеся у разных авторов разночтения не столь велики, и исследовательскую деятельность рассматривают как:

- процесс решения учащимися творческой, исследовательской задачи путём осуществления ими последовательных действий, принятых в научной сфере: постановка проблемы, изучение теоретических сведений по проблеме, подбор методик исследования и практическое овладение ими, сбор материала, его анализ и обобщение, собственные выводы (А. В. Леонтович [7, с. 8]);

- творческую совместную работу обучающего и обучающегося по поиску неизвестного, в ходе которой школьники усваиваются культурные ценности и у них формируется мировоззрение (А. С. Обухов [8, с. 31]);

- специально организованную познавательную творческую деятельность, в результате которой учащиеся с различной степенью самостоятельности и с использованием доступных методов исследования овладевают новыми для себя знаниями и способами деятельности (Н. А. Семёнова [15, с. 8]);

- специфическую учебную деятельность, состоящую из этапов, характерных для научного исследования, и направленную на формирование у школьников новых лично значимых знаний и исследовательских умений (Н. А. Разагатова [10, с. 11]);

- источник получения ребёнком представлений о мире в виде творческой деятельности, позволяющей ему «испытать, испробовать, выявить и актуализировать свои таланты, дарования» (П. В. Середенко [16, с. 7]).

Несмотря на то, что авторы рассматривают «исследовательскую деятельность» с нескольких оснований (*процесс решения исследовательской задачи; творческая совместная работа по поиску неизвестного; специально организованная познавательная творческая деятельность; источник представлений о мире*), всё же можно выделить инвариантные признаки, характерные для этого вида деятельности. Итак, в ходе исследовательской деятельности учащиеся являются не объектом обучения, воспринимающими готовые знания, а субъектом, т. е. людьми, которые самостоятельно добывают знания. «Добывание» этих знаний осуществляется поэтапно, так же, как и в научной деятельности: проблемная ситуация → целеполагание (что нужно сделать) → формулировка гипотез → поиск путей решения (как, с помощью чего) → сбор материала → проверка гипотезы → формулирование выводов → представление результатов. Результат — получение субъективно новых знаний. Таким образом, под исследовательской деятельностью понимают такой вид деятельности, при которой учащиеся с различной степенью самостоятельности и путём осуществления ими последовательных действий, принятых в научной сфере, успешно решают творческую, исследовательскую задачу и овладевают новыми для себя знаниями и умениями. Отметим, что учитель в этом виде деятельности выполняет самые различные роли, как-то: *координатора* (направляет деятельность учащихся); *тьютора* (создаёт условия, максимально учитывая индивидуально-личностные качества учащихся); *фасилитатора* (помогает достичь взаимопонимания между обучающимися). Разделяем точку зрения П. В. Середенко, который акцентирует внимание на том, что необходимо

менять позицию педагога с «подготовки ребёнка к исследовательской деятельности» на «обучение в условиях исследовательской деятельности» [16, с. 7].

Следующим понятием, требующим уточнения, является терминологическое сочетание «исследовательские умения», которое тоже трактуется неоднозначно. Все учёные считают исследуемые умения сложными, но определяют разный их состав. Так, А. И. Савенков рассматривает исследовательские умения (способности) с позиции традиций отечественной психологии и характеризует их «как индивидуально-психологические особенности личности, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления исследовательской деятельности» [13, с. 38]. По мнению учёного, такими индивидуально-психологическими особенностями, позволяющими школьникам эффективно осуществлять исследовательскую деятельность в любой области знаний, являются следующие умения: 1) видеть проблемы; 2) ставить вопросы; 3) выдвигать гипотезы; 4) давать определение понятиям; 5) классифицировать; 6) наблюдать; 7) проводить эксперименты; 8) делать умозаключения и выводы; 9) структурировать материал; 10) объяснять, доказывать и защищать свои идеи [13, с. 50].

Н. А. Семёнова определяет исследовательские умения как «интеллектуальные и практические умения, связанные с самостоятельным выбором и применением приёмов и методов исследования на доступном детям материале и соответствующие этапам учебного исследования» [15, с. 13]. Учитывая возрастные особенности школьников, автор выделяет пять групп исследовательских умений: 1) *организационные* (умения организовывать свою работу; 2) *поисковые* (умения и знания, связанные с осуществлением исследования); 3) *информационные* (умения работать с информацией, текстом); 4) *презентационные* (умения оформить и представить результат своей работы); 5) *оценочные* (умения, связанные с анализом и оценкой своей деятельности) [15, с. 13]. Эту же позицию разделяет и А. П. Гладкова. Рассматривая исследовательские умения в качестве метапредметного результата освоения школьниками основной образовательной программы, учёный относит к ним: 1) *организационно-практические* (умение планировать работу, формулировать вопросы и отвечать на них, выдвигать предположения, применять общелогические приёмы (анализ, синтез, сравнение, обобщение), использовать различные формы представления результатов исследования); 2) *поисковые* (умения видеть проблему, выбирать тему и ставить цель исследования; выбирать и применять доступные методы исследования; устанавливать причинно-

следственные связи; искать и обрабатывать информацию); 3) *информационные* (умения находить источники информации, пользоваться ими; внимательно слушать выступающего; работать с определениями, понятиями, терминами; понимать и интерпретировать устный и письменный текст; фиксировать информацию в виде символов, условных знаков; формулировать выводы); 4) *рефлексивные* (умение оценивать работу, видеть в ней положительное и отрицательное; аргументировать свою оценку; составлять рекомендации) [2, с. 10].

По мнению Н. Н. Сандаловой, «исследовательские умения» — это совокупность теоретических знаний об исследовании и практических действий и операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение и др.), позволяющих школьникам успешно осуществлять это исследование и делать его результат личностно значимым достижением [14, с. 9]. Как видим, автор в понятие «исследовательские умения» включает и знания. Для осуществления больших и малых открытий в окружающем мире учащиеся, с точки зрения Н. Н. Сандаловой, должны уметь: 1) видеть проблему исследования, формулировать его цель и задачи, выбрать и применить оптимальные методы исследования, найти необходимую информацию; 2) работать с различными источниками и обрабатывать полученную из них информацию: выделять главное и второстепенное, подбирать аргументы и факты; 3) работать в библиотеках, компьютерных залах, проводить опыты, систематизировать и анализировать их результаты; 4) оценивать свою работу, определяя её достоинства и недостатки; 5) представлять продукт своей деятельности [14, с. 12–13].

Н. А. Разагатова указывает на то, что исследовательские умения являются частью общих учебных умений и связаны с разными видами деятельности, осуществляемой школьниками. В связи с этим автор выделяет четыре группы исследовательских умений. Первую группу представляют умения, связанные с познавательной деятельностью: выделять главное и второстепенное, давать определение понятиям, классифицировать, сравнивать, наблюдать, определять закономерности. Во вторую группу входят умения, связанные с речевой и коммуникативной деятельностью: высказывать суждение, задавать вопросы по прочитанному тексту, пользоваться словарями, письменно ответить на поставленный вопрос. Третья группа умений связана с креативной деятельностью: видеть проблему, выдвигать гипотезу, придумать понятный значок для обозначения предмета (символотворчество). И, наконец, четвёртая группа представлена умениями, связанными с организацией собственной деятельностью: формулировать цель, определять этапы собственной деятельности и планировать её,

определять собственные успехи и недочёты (рефлексия, самооценка) [10, с. 13–14].

Э. Г. Сабинова делает попытку уточнить состав исследовательских умений в контексте их взаимосвязей с универсальными учебными действиями (УУД): личностными, регулятивными, познавательными и коммуникативными. С учётом этих взаимосвязей в качестве наиболее значимых автором выделяются следующие исследовательские умения: 1) видеть проблему, выдвигать гипотезы, представлять результаты своей работы (соотносятся с личностным блоком УУД); 2) ставить цели, планировать, прогнозировать, контролировать, корректировать и оценивать работу (соотносятся с регулятивным блоком УУД); 3) выдвигать гипотезы, видеть проблемы, задавать вопросы, классифицировать по различным признакам, структурировать материал, высказывать суждение, доказывать верность своих идей (соотносятся с познавательным блоком УУД); 4) задавать вопросы, высказывать суждение, доказывать верность своих идей, представлять результаты своей работы (соотносятся с коммуникативным блоком УУД) [11, с. 12–13].

Д. К. Баматова отмечает, что в основе исследовательских умений лежат приёмы умственной деятельности. С учётом этого автор понимает под обозначенной дефиницией способность учащихся сравнивать, выделять в сравниваемых объектах существенные признаки и несущественные, анализировать и определять закономерности, классифицировать объекты на основании выделенных существенных свойств, обобщать свойства объектов [1, с. 9].

Е. Н. Землянская, руководствуясь тем, что исследовательская деятельность школьников должна строиться не только на эмпирическом познании, но и на теоретическом, в качестве ведущих исследовательских умений выделяет: 1) умение видеть проблемные ситуации и участвовать в их дискуссионно-аналитическом обсуждении; 2) умение использовать способы учебного наблюдения и экспериментирования; 3) умение структурировать материал, полученный в результате собственных изысканий; 4) умение доказывать и защищать свои идеи; 5) умение извлекать принципиально новую информацию на основе анализа текстов, написанных другими [5, с. 222].

Таким образом, теоретический анализ показывает, что в научно-методической литературе даются различные трактовки понятиям «исследовательская деятельность», «исследовательские умения». Исходя из анализа имеющихся определений, мы интерпретируем указанные термины следующим образом: «исследовательская деятельность» — это такой вид

учебной деятельности, при которой учащиеся с различной степенью самостоятельности и путём осуществления ими последовательных действий, принятых в научной сфере, успешно решают творческую, исследовательскую задачу и овладевают новыми для себя знаниями и умениями; «исследовательские умения» в широком смысле — это совокупность интеллектуальных и практических умений, позволяющих школьникам успешно решить творческую, исследовательскую задачу. Эти умения являются сложными и многокомпонентными и состоят из более частных умений. В их многообразии выделяем четыре основные группы: 1) *организационные* исследовательские умения (видеть проблему, формулировать цель и гипотезу исследования, составлять план исследования); 2) *информационно-поисковые* (умение находить различные источники информации и работать с ними); 3) *презентационные* (умение оформлять и представлять результат своей работы, доказывать и защищать свои идеи); 4) *рефлексивно-оценочные* (умение анализировать (что получилось и что не получилось) и оценивать свою работу).

В заключение отметим, что школьники, владеющие навыками исследовательского поиска, максимально быстро адаптируются во внешней среде, активно в ней функционируют и успешно социализируются в обществе. Именно поэтому так важно увеличивать в образовательной практике долю исследовательского компонента и создавать оптимальные условия для включения обучающихся в активную познавательную деятельность.

Литература

1. Баматова, Д. К. Формирование у младших школьников элементов исследовательских умений в процессе обучения математике : автореф. дис. на ... канд. пед. наук : специальность 13.00.02 / Баматова Джамиля Казбековна; Дагестанский гос. педагогический университет. Махачкала, 2004. 18 с.
2. Гладкова, А. П. Формирование исследовательских умений младшего школьника во внеурочной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 / Гладкова Александра Петровна; ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет». Волгоград, 2013. 26 с.
3. Давыдов, В. В. Виды обобщения в обучении // Хрестоматия по методике русского языка. Методы обучения русскому языку в общеобразовательных учреждениях. М. : Просвещение, 1996. С. 50–52.
4. Дистервег, А. Руководство к образованию немецких учителей // Хрестоматия по методике русского языка. Методы обучения русскому языку в общеобразовательных учреждениях. М. : Просвещение, 1996. С. 36–40.

-
5. Землянская, Е. Н. Педагогика начального образования : учебник и практикум для вузов [Электронный ресурс]. М. : Юрайт, 2021. 247 с. URL: <https://urait.ru/bcode/474593>
6. Леонтович, А. В. Об основных понятиях концепции развития исследовательской и проектной деятельности учащихся // Исследовательская работа школьников. 2003. № 4. С. 12–17.
7. Леонтович, А. В. Проектирование исследовательской деятельности учащихся : автореф. дис. ... канд. психол. наук : специальность 19.00.13 / Леонтович Александр Владимирович; Институт педаг. инноваций Российской академии образования. М., 2003. 20 с.
8. Обухов, А. С. Развитие исследовательской деятельности учащихся. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Национальный книжный центр, 2015. 280 с.
9. Поддяков, А. Н. Методологические основы изучения и развития исследовательской деятельности // Школьные технологии. 2006. № 3. С. 85–91.
10. Разагатова, Н. А. Муниципальная модель организации учебно-исследовательской деятельности младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 / Разагатова Наталья Александровна; Московский городской педагогический университет. М., 2007. 21 с.
11. Сабирова, Э. Г. Формирование исследовательских умений учащихся в информационно-образовательной среде начальной школы : автореф. дис. на ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 / Сабирова Эльвира Гильфановна; Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2012. 23 с.
12. Савенков, А. И. Методика исследовательского обучения младших школьников. Самара : Учебная литература, 2004. 78 с.
13. Савенков, А. И. Педагогика. Исследовательский подход : в 2 ч. Ч. 1 : учебник и практикум для академического бакалавриата [Электронный ресурс]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019. 232 с. URL: <https://urait.ru/bcode/437318>
14. Сандалова, Н. Н. Педагогические условия формирования исследовательских умений у младших школьников в урочной и внеурочной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 / Сандалова Наталья Николаевна; ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы». Уфа, 2016. 25 с.
15. Семёнова, Н. А. Формирование исследовательских умений младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 / Семёнова Наталия Альбертовна; Томский гос. пед. университет. Томск, 2007. 23 с.
16. Середенко, П. В. Развитие исследовательских умений и навыков младших школьников в условиях перехода к образовательным стандартам нового поколения. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2014. 208 с.
17. Скаткин, М. Н. Совершенствование процесса обучения // Хрестоматия по методике русского языка. Методы обучения русскому языку в общеобразовательных учреждениях. М. : Просвещение, 1996. С. 48–50.

УДК 341.9

Залоило Мария Александровна

Студент 2 курса магистратуры,
Юридический факультет,
Таврическая академия,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: makha2012@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ВЕЩНОГО ПРАВА КИТАЯ

В статье рассматривается становление вещного права Китая, начиная с древнейших времён и до провозглашения Китайской Народной Республики. Путь становления института вещного права в Китае имеет ряд трудностей, анализ которых представлен в данной работе.

Ключевые слова: гражданское законодательство, вещное право, частная собственность, кодификация, конфуцианство, легизм, община, династия, император.

Maria A. Zaloilo

2nd year Student of magistracy,
Faculty of Law,
Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

HISTORICAL SKETCH OF THE DEVELOPMENT OF REAL RIGHTS IN CHINA

Abstract. *This article examines the formation of real rights in China, from ancient times to the proclamation of the Republic of China. The path of the establishment of the institution of real law in China has a number of difficulties, the analysis of which is presented in this article.*

Key words: *property law, private property, civil legislation, codification, Confucianism, legalism, community, dynasty, emperor.*

Для цитирования:

Залоило, М. А. Исторический очерк развития вещного права Китая // Гуманитарная парадигма. 2021. № 4 (19). С. 88–93.

Правовая система Китая, эволюция которой насчитывает тысячелетнюю историю, представляется одной из интереснейших с позиции юридической компаративистики [7]. Недаром древние римляне, цивилизация которых во многом была дочерней по отношению к ближневосточной, с уважением говорили: «Ex Oriente lux!» («С Востока свет!») [1]. Становление вещного права в Китае прошло долгий исторический путь развития. Понимание ценности института вещного права и его влияние на общественную жизнь не сразу нашло отражение в законодательстве и политике Китая. Все государственные институты, включая и правовое регулирование общественных отношений, шли по пути стремительного развития только после экономического толчка.

Тесное сотрудничество Китайской Народной Республики и Российской Федерации делает изучения данных аспектов правовой системы Китая необходимым на современном этапе. Развивая и совершенствуя как политические, так и экономические, включая рыночные, отношения понимая и принимая законодательные постулаты государства-партнёра, в том числе историю их формирования с учётом традиций и обычаев, значительно проще основать союз на принципах уважения и взаимопонимания. Именно этим определяется важность изучения вопроса становления вещного права, как одного из центральных институтов гражданского законодательства Китая.

Для этого необходимо понимание, прежде всего, строения, содержания и способа реализации вещного права в Китае. Китай, как одна из древнейших цивилизаций, проходила путь становления права через призму влияния конфуцианства и легизма. Непрерывность развития китайского очага культуры, его этнических и политических традиций — одна из важных особенностей истории этой страны [9]. Конфуций открывает собою эпоху расцвета мысли, ту эпоху, когда были заложены основы китайской культуры [6]. Конфуцианство придерживалось идеи абсолютного морального общества, потому писанный закон в этой системе воззрений не имел практической значимости. Момент создания первых фиксированных законов был отсрочен и в дальнейшем, в период слияния конфуцианства и легизма («Школы законников»).

Первые официально закреплённые законы Китая относят к VI–V векам до н. э., появились они в царстве Лу [5]. Предпосылкой возникновения одного из них стало социальное расслоение, что, в свою очередь, привело общество к частному землевладению. В этом период развития древнекитайского общества сложилась традиция, согласно которой каждый человек мог занимать бесхозные или покинутые земли, и если человек добросовестно работал на них, разводя скот или обрабатывая землю, данный участок

закреплялся за ним в порядке собственности [9]. Однако понятия собственности в то время было относительным, поскольку при делении земли между общинами или крестьянами, полноценное право собственности в современном его понимании принадлежало исключительно государству.

В соответствии с Азиатской моделью экономики или Азиатским типом производства правовая модель Китая исключала полноценное развитие частного права. Институт вещного права не формируется и в силу того, что практически все положения гражданского права были вписаны в уголовный кодекс, который предусматривал наказание лишь за нарушение тех или иных прав. Институт частной собственности получил развитие в период правления династии Чжоу (1045–221 до н.э.), что послужило толчком к установлению договорных отношений, связанных с меной земельного участка, его куплей-продажей, арендой, залогом и др. Однако со сменой правящей династии земля была централизована в руках военных начальников, чиновников и аристократии, что приостановило развитие вещного права в Китае. Постоянная смена династий и императоров в дальнейшем обуславливала попеременное усиление прав на землю то представителей высших слоёв общества, то крестьян, однако в целом китайское гражданское законодательство не претерпевало каких-либо существенных изменений, что порождало постоянное противоборство различных слоев населения за право частной собственности на землю. Кодификация же закона осуществлялась в Древнем Китае только в отношении уголовного законодательства, которое регулировало практически все отрасли права.

Вещное право средневекового Китая практически не отличалось от права древности, не получил развития и процесс становления института частной собственности. Земля принадлежала чаще всего или государству, или роду, который передавал её из поколения в поколение в порядке наследования. Однако можно отметить введение права выкупа заложенной семейной или родовой земли потомкам залогодержателя. Интересно отметить, что договор залога оформлялся в Китае с древнейших времён только письменно, и несоблюдение письменной формы договора являлось основанием для признания такого договора ничтожным. Также следует отметить, что рост процента по долгу не мог превышать сумму самого долга. Распоряжением семейного имущества мог заниматься только отец как глава семейства. Нарушение же каких-либо вещных прав каралось согласно уголовному кодексу своего времени.

Ещё одной интересной деталью правовой системы средневекового Китая, по нашему мнению, является привлечение свидетелей и поручителей при заключении договора купли-продажи. В средние века для передачи в

собственность земельного участка было характерным то, вместе с продажей земли оговаривалось и продажа недр, находящихся на данном участке [9].

Однако развить институт частной собственности в средневековом Китае так и не удалось. Собственником земли признавался Император. Указ императора Жэнь-цзуна гласил: «Ныне собственно Китай и его окраины представляют единую семью, и все земли в Поднебесной принадлежат императору» [10].

Слабое развитие гражданского законодательства Китая в дальнейшем приводило к пониманию, насколько важно урегулировать институты собственности, развивать экономику, торговлю наравне с европейскими государствами. Поражение в опиумных войнах XIX века, невыгодные условия внешней государственной торговли с колониальными державами Европы послужило толчком для развития полноценного кодифицированного гражданского законодательства в Китае. Попытка разработки и кодификации первого гражданского кодекса была предпринята ещё на закате правления империи Цинь, однако данное событие случилось уже после падения Циньской империи. В середине XIX века в Китае увеличился процесс инвестирования иностранных государств и развитие промышленности, однако и с увеличением иностранных вложений активировался процесс колонизации китайских земель, путём использования этих территорий как рынка сбыта и источника сырья. Под влиянием революционных процессов в России начала XX века активизировалось революционное движение в Китае. Итогом бунтов и восстаний стала Синьхайская революция, которая свергла монархию и провозгласила Китай Республикой. Постановление о подготовке проекта Конституции было принято по предложению ЦК КПК на 20-ом заседании Центрального народного правительственного совета в январе 1953 года. Тогда же была создана Конституционная комиссия. Сессия открылась 15 сентября 1954 г., а 20 сентября была принята первая Конституция Китая, построенная по модели конституций СССР и тогдашних стран народной демократии [2]. Современный период определяется в преамбуле Конституции Китая как «начальная стадия строительства социализма», а китайское общество — как социалистический строй [9].

На протяжении 20 лет до образования Китайской Народной Республики действовал Гражданский кодекс Китайской Республики (1929–1931), который считался достаточно прогрессивным, однако имел ярко выраженный революционный характер. Гражданский кодекс Китая во многом был заимствован у гражданского кодекса Японии и Германского гражданского уложения, хотя был не столь детализирован и содержал больше общих понятий, что вызывало немало разночтений и проблем в толковании права.

Не было в нём детально разработано и вещное право. Однако Гражданский кодекс дал толчок к развитию рыночной экономики Китая. Постепенно с быстрым развитием экономики и торговли в стране начали появляться специализированные законы, которые регулировали узконаправленные отрасли экономики, например, «Положение о торговых товариществах» 1929 года, «Положение о торговых портах» 1933 года, «Закон о банках» 1930 года и многие другие отрасли, регулирующие страховую, финансовую, промышленную, торговую деятельность. Большой вес в становлении целостного гражданского права провозглашённой Республики имела практика Верховного Суда, обладающего на тот момент нормотворческой деятельностью. С одной стороны, такая практика на момент становления законодательства в Китае быстро находила и ликвидировала пробелы и коллизии права, а с другой стороны, Верховный Суд Республики во многом ссылался на проект гражданского кодекса Китая, который был разработан министерством Юстиции, однако не был принят в качестве нормативно правового акта. Всё время становления Китайской Республики законодательство страны изменялось и дополнялось с учётом реалий: большого количества бунтов, революции, свержения правителя, изменения государственного строя, гражданской войны. Нашедшие применение на практике законы вносились в «Полную книгу шести законов» (Люфацюаньшу), в которой право было разделено на шесть основных отраслей, включавших конституционное право, гражданское право, гражданский процесс, уголовное право, уголовный процесс и административное право, которое охватывало трудовые, земельные, финансовые и многие подзаконные акты для регулирования узкоспециализированных направлений экономической деятельности. Однако из-за раздробленности Китая «Книга шести законов» была признана не на всей территории государства, на некоторых из них создавались свои законы. Историческая судьба «Книги шести законов» как первого кодекса законов Китая после Синьхайской революции завершилась свержением в ходе гражданской войны гоминьдановской партии и победы Коммунистической партии Китая. Основопологающим моментом в формировании Китайского права было провозглашение в 1949 году Китайской Народной Республики и принятием первой Конституции Китая.

Вещное право Китая, начинавшее своё развитие с древнейших времён, уникально. Формирование данного института гражданского права, прошедшего исключительно свой, без влияния других государств путь развития, осуществилось достаточно поздно. Однако развиваясь в ходе сложных исторических преобразований государства, её традиций и обычаев,

гражданское право Китая, и в целом законодательная база страны, выстраивалась довольно грамотно. Важное место в законодательстве Китая занимают постулаты внешней политики: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование [4]. И в настоящее время, являясь социалистическим государством, Китай развивает данное правовое направление, которым в том числе обеспечивается экономический рывок, высокий рост и положительная динамика ВВП страны, а также укрепление международного авторитета этого государства.

Литература

1. Васильев, Л. С. История Востока : в 2 т. М. : Высшая школа, 2001–2003.
2. Гудошников, Л. М. Конституция Китайской Народной Республики в процессе исторических перемен и реформ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 27–33.
3. История Китая с древнейших времен до наших дней / Под ред. Л. В. Симоновской, М. Ф. Юрьева. М. : Наука, 1974. 532 с.
4. Конституционное право зарубежных стран / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. 4 изд. М. : Норма-ИНФРА-М, 2016. 975 с.
5. Крашенинникова, Н. А., Жидкова, О. История государства и права зарубежных стран : в 2 ч. Ч. 1 М. : Норма-ИНФРА-М, 1998. 480 с.
6. Рубин, А. И. Личность и власть в Древнем Китае. М. : Восточная литература РАН, 1999. 392 с.
7. Трощинский, П. В. Правовая система Китая / Институт Дальнего Востока РАН. М. : ИДВ РАН, 2016. 472 с.
8. Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая: От первобытнообщинного строя до образования централизованного феодального государства / Пер. с китайск. ; Предисл. Р. В. Вяткина. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 294 с.
9. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран. 2 изд, перер. и доп. М. : Юрист, 2001. 600 с.
10. Юридическая компания АМПАРО. Китай. Право [Электронный ресурс] // ООО ЮК АМПАРО, 2010. URL: <http://uk-amparo.ru/amparo00153.html>

Экспериментаниум

Я — педагог Эссе¹

Я, Кравченко Алина Олеговна, родилась 30 марта 1993 года в Крыму.

В 2014 году получила диплом бакалавра по специальности «Начальное образование», а в 2016-м — магистра по специальности «Внеурочная деятельность в начальной школе».

На данный момент мой педагогический стаж составляет 7 лет. Второй год работаю в дошкольном образовательном учреждении «Золотая рыбка» (ясли-сад) (г. Красноперекоск) на должности основного воспитателя и преисполнена стремления повысить уровень своих профессиональных компетенций.

В свободное время занимаюсь в тренажёрном зале, увлекаюсь усовершенствованием автомобилей.

Я — педагог, и с момента получения диплома о педагогическом образовании это стало частью моей биографии. Но, будучи неотъемлемой данностью, этот факт истинное своё наполнение получил только сейчас, в пору моей работы в детском саду — среди тех, кого, надеюсь, смело могу назвать своими воспитанниками.

Когда-то на мой выбор профессии воспитателя детей дошкольного возраста повлияла её востребованность: в подлинно цивилизованном обществе всегда велик запрос на наставников и учителей! Но для меня важнее осознавать, что востребованность профессии — гарантия и моей собственной необходимости. Быть нужным и полезным — слишком ценный фактор, чтобы его игнорировать, не правда ли? Как и фактор работы с детьми! Возможно, кто-то усомнится в правильности решения связать свою профессиональную карьеру с дошкольниками — той возрастной категорией обучающихся, педагогическая деятельность с которой кажется делом малоэффективным. Уроки лепки, аппликации, пения и рисования многим

¹ Эссе представлено автором на конкурс «Воспитатель года 2021».

покажутся, скорее, приятным времяпрепровождением, нежели серьёзными занятиями. Детские игры, конкурсы, соревнования в глазах взрослых нередко лишь сцены умиления, а вовсе не основательная работа малыша по преодолению своих страхов, стеснения, неловкости. Понимая, что на каждом таком «уроке» ребёнок выходит из «зоны комфорта», я и осознаю свою нужность: на пути трудностей, с которыми малыш не должен оставаться один на один, я его надёжный проводник. Именно моя твёрдая рука, мой подбадривающий жест и вдохновляющее слово являются залогом того, что сделанный малышом первый шаг не станет последним!

Я люблю парадоксы моей профессии! Я — хранитель детских снов и врачеватель ребячьих душ. Я — помощник, лучшей наградой которому служат отказ малыша от помощи и его настойчивое: «Я сам!» Я — наставник первопроходцев на пути к знаниям, не знающий ответа на коварный вопрос: «Почему солнце круглое?» Я — великан среди малышей, опускающийся перед ребёнком на корточки всякий раз, когда надо понять маленького человечка с высоты его, а не своего роста. Парадоксы моей профессии — это не тупики, а выходы из них в переулки надежды, соединённые с широкими магистралями будущего.

Меня несколько смущает представление людей о работе педагога, высшим проявлением которой считается его готовность «отдавать частичку себя». По-моему, миссия педагога вовсе не в жертвовании, а в даровании ребёнку его собственного «я». Ведь тому, кто стремится обрести себя в исчерпывающей полноте своего «я», недостаточно части от целого. В маленьком человеке, пусть не всегда способном как следует изъясниться, я пытаюсь разгадать личность: его страхи разбавить тягой к открытиям, в его капризах распознать жажду диалога, в обидах — самостоятельную позицию, а в неумелых движениях прозреть будущее мастерство. В этом, по-моему, бесспорный успех педагога!

Вопрос о природе индивидуальности ребёнка вовсе не праздный для психологии детства. И для меня детская личность (конечно, личность!) не только дана, но и задана: «от первых дней жизни личность уже окрашена чем-то индивидуальным, что сначала выступает слабо и неясно, но ищет своего более полного и адекватного выражения» (протоиерей Василий Зеньковский). Я убеждена, что индивидуален также и способ обретения ребёнком своей «идеальной формы», и траектории его личностного роста. Оттого универсального подхода к воспитанию ребёнка нет — не может его быть даже в условиях единого для всех воспитанников детского сада режима и правил поведения.

В период раннего детства ребёнок именно в детском саду получает первую, так сказать, «демоверсию» социума: наблюдает за окружающими, учась воспринимать себя среди равных. И воспитатель должен показать ему прелесть общения и взаимодействия со сверстниками. Поэтому ведущими в моей работе с детьми являются интерактивные — субъектно-субъектные и партнёрские — формы координации их действий. Так как в возрасте 3–6 лет дети постигают окружение нерационализированно, то наиболее результативны в моей практике активно-деятельностные методы обучения: игровые и имитационные ситуации, организационно-управленческие мероприятия. Я нацелена на создание оптимальных условий для самораскрытия воспитанников: для этого во время занятий следую принципам доступности и понятности, а также обязательной визуализации изучаемого, посредством которой становится возможным выполнение даже непростых заданий. В последнее время в моей работе значительное место занимают игры-головоломки, комбинаторные возможности которых способствуют развитию наглядно-образного и логико-математического мышления дошкольников: «Тетрис» (деревянный набор-конструктор), танграм, колумбовое яйцо, блоки Дьенеша, палочки Кьюзенера.

Критично отношусь к требованию, чтобы все дети группы показывали высокий уровень достижений во всех образовательных областях. Потому главным в работе воспитателя вижу необходимость разбудить в ребёнке желание к познанию, к тому, чтобы проявить себя в новом качестве, а на пути «проб и ошибок» не спасовать перед последними.

В решении проблем обучения и воспитания ребёнка должен быть свой кодекс, как, например, у врачей, ошибки которых дорого обходятся людям. Но верно и то, что и ошибки учителей, пусть и не столь заметные, не менее серьёзно отзываются в судьбе человека. Требования к работе педагога всегда были высоки, и не могут быть иными! Это никогда не пугало меня — ведь я готова к поиску новых идей, постоянному самообразованию и совершенствованию профессионального мастерства, а главное, к совместной работе в качестве активного члена моей с воспитанниками дружной команды.

~

Авторам

Приём материалов
в очередной номер **№ 1 (20) за 2022 год**
журнала
«Гуманитарная парадигма»
проводится
до 1 марта 2022 года.

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-гуманитариев:
учёных, исследователей,
докторантов и аспирантов,
студентов и магистрантов,
работников культурной и просветительской сфер,
представителей творческой интеллигенции.

Наш журнал:
- научно-аналитический,
- практико-методологический,
- литературно-творческий.